

18+
Мила Джая

Русалочка
и
КИТОВОЙ

роман в стихах

Лилла Джая

**Русалочка и китобой.
Роман в стихах**

«Издательские решения»

Лилла Джая

Русалочка и китобой. Роман в стихах / Лилла Джая —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-906554-4

...Доброе сердце сильнее стихии. Может любовь, где не ждёшь ты,
застать. Встретив русалку, глазами другими Станешь на мир ты привычный
взирать. Сказки и яви сотрутся границы, Время назад сумеет пойти —И
невозможное может свершиться, Если сердца открыты любви.

ISBN 978-5-44-906554-4

© Лилла Джая
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Шторм	6
Глава 2. Ночь	13
Глава 3. Кит	25
Глава 4. Поцелуй	38
Глава 5. Нарушенное обещание	48
Глава 6. Ролан Финвал	67
Глава 7. Двое в вельботе	81
Глава 8. Шпионы	89
Глава 9. Один	97
Глава 10. Прозрение	111
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Русалочка и китобой

Роман в стихах

Лилла Джая

Иллюстратор Лилла Джая

Дизайнер обложки Лилла Джая

© Лилла Джая, 2025

© Лилла Джая, иллюстрации, 2025

© Лилла Джая, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-4490-6554-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Шторм

Русалочка морская, о чём ты загрустила?
Смеяться разучилась, улыбку позабыла,
Знакомых сторонисься, в плену тоски глубокой
Плутаешь в толще вод, вздыхая одиноко.
Ты – юна и прекрасна, о чём же горевать?
В догадках потерялись совсем отец и мать.
Не открываешь душу. Не видно под водою,
Как часто слёзы льёшь наедине с собою...

Твоей печали горькой нет края и конца.
Предчувствие плохое на сердце у отца:
Заметил он, стал чужд подводный мир родной,
О суше жаждешь знаний. Что отняло покой,
Зовёт тебя на воздух, в край солнца золотого?
Похоже, не хватает тебе чего-то дома.
Милее синих вод вдруг стали небеса.
Мечтая в океане заметить паруса,
Глядишь на горизонт, в глазах – огонь надежды...
В чём тайна состоит, хранимая прилежно?

Ответ нам всем известен, сей сказке больше века:
Русалка полюбила однажды человека.

...Он вовсе не был принцем, хоть недурён собой —
Ветрами закалённый отважный китобой.
На паруснике быстром моря он бороздил,
С командой добывая китовый ус и жир.

Но море китобоев не очень-то любило,
И раз, во время шторма, мужчину оглушило
Волною беспощадной и за борт увлекло.
Он потерял сознание и уходил на дно.

Команда капитана спасти была не в силах —
Всё глубже, дальше море беднягу уносило,
Желая за китов убитых отомстить,
Разбить о камни тело и хищникам скормить...

Жестокое избрал мужчина ремесло —
Но сбыться приговору в тот день не суждено.

Русалка молодая плыла в глубинах моря,
Заметила случайно фигуру китобоя.

Таких чудных созданий не видела вовек:
Не рыба, не русалка... Неужто человек —
Чудовище из сказок с раздвоенным хвостом,
Что рыбу ловит сетью и ест её потом?

Оно мертво, похоже, безвольно, недвижимо.
Плывёт русалка ближе, чтоб поглядеть на диво.

Отсчёт шёл на секунды, в воде не жить часы,
А девушка морская – в плену земной красоты:
Иссиня-чёрный волос, усы и борода —
Таких мужчин подводных не встретишь никогда!
Они светловолосы. Совсем другой пред ней.
Коснулись пальцы девы распущенных кудрей...

Утопленник прекрасный тихонько умирал
И, что его ласкают, не чувствовал, не знал.
Душа была готова уйти на Небеса:
Корабль жизни тонет, спускает паруса...

Грустит морская дева: «Как жаль, что под водой
Дышать не могут люди. Ах, если б был живой...»

Не в силах отвести очей от моряка.
И вдруг... Не может быть! Тепла его рука!
Дотронулась до шеи, всю храбрость собирая —
Пульс есть, но очень слабый: мужчина погибает.
И доброму сердечку беднягу стало жалко.
Под мышки подхватила, плывёт наверх русалка.
На воздух, на поверхность несёт его скорей.
А в океане – буря, бушует лиходея.
Гремят раскаты грома, повсюду брызги волн,
Со свистом воет ветер – отнюдь не шутит шторм.

Лицо мужчины держит русалка над водой,
Но всё равно не дышит несчастный китобой.
Быть может, его сердце уже остановилось?

В отчаянии девица к природе обратилась:
– Смените гнев на милость, могучие валы!
Коль были хоть разочек в кого-то влюблены,
Дорогу дайте к суше, до берега доплыть!
Мне дорог человек – позвольте ему жить!

Но волны не утихли. Один лишь только вал,
Подняв собой русалку, по-дружески сказал:
– Зачем о нём взываешь, дитя моё родное?
Лишь смертью он искупит свои грехи пред морем.

– Ужели так огромна, – спросила та, – вина?

– Он сам избрал свой путь, – ответила волна.

– Быть может, если б выжил, сумел он измениться? —
От трепета дрожа, произнесла девица,
К своей груди прижав мужчину молодого.

– Ты веришь в это?

– Да. Пообещать готова,
Что пользу принесёт усвоенный урок!
Пожалуйста, прости, чтоб лучше стать он мог! —
Глядит на капитана: – Не знаю, в чём вина,
Но думаю, наказан и без того сполна.
В таком прекрасном теле злой дух не может жить...
О Море, помоги!

– Неужто полюбить
Успела незнакомца?

Русалочка молчала,
Лишь крепче человека в своих руках сжимала.

Её качали волны, топили с головой.
Дрожало сердце в страхе: «Живой! Ведь он – живой!
Как можно отпустить, отдать судьбе жестокой?»

Промолвил Океан:
– До берега далёко.

– Мне суши не достигнуть... Погубит буря нас!
Не суждено увидеть, каков цвет твоих глаз...
Наверное, ты умер: не слышу сердца боле...

– Ну хорошо, дитя, – явило милость Море. —
Прощу его сегодня во имя доброты,
От искренности коей, решила спорить ты.
Держи его покрепче. Закрой свои глаза.
Но помни, что обратно вернуться ты должна.

– Ах, добрый Океан! Когда уйдёт прилив,
Я в воды возвращусь, но пусть он будет жив! —
И, обхватив удобней беднягу-капитана,
Русалочка, зажмурясь, «Спасибо!» прошептала.

Взвыл громче ветер лютый, огромный вздыбив вал,
И девушку морскую с мужчиною поднял:
В одно мгновенье ока огромная волна
Их вынесла на берег и в море отошла.

Ударившись о землю, вдруг вздрогнул китобой.
Вода пошла из горла. Он был ещё живой!

Отпрянула русалка испуганно дрожа:
И радостно, и жутко – она ведь с ним одна.
На суше, с человеком! С мужчиной, наконец.
Почти невероятно! Ой, что б сказал отец...

Откашлявшись, спасённый остался в забытии,
Не помня приключенья подводные свои.

Русалочка не знала, что делать, как ей быть.
Однажды встретив чудо, как от него уплыть?
И дева оглянулась с надеждой и опаской,
Рассматривая мир, что ей казался сказкой.

За пляжем начиналась зелёная лужайка,
Жужжала над цветами усердных пчёл стайка,
Трава слегка шумела при лёгком ветерке —
Спокойно и безлюдно сейчас на бережке.
А дальше начинался густой и страшный лес —

Обитель неизвестных русалочке существ.
На небе облака сияли белизной,
Но всё же, главным чудом был человек земной.

Есть руки, голова, привычный взгляду торс,
А дальше – непонятно: куда же делся хвост?
Одежда покрывает всё тело человека.
Неужто плавников под нею вовсе нету?

Коснулась дева робко колена моряка
И – будто обожглась: отпрянула рука,
Вдруг трепет ощутив конечности чудной.
Дрожал в одежде мокрой спасённый китобой.
Русалочке привычна холодная вода:
Горячая в ней кровь, хотя лицом бледна.
А суши уроженец озяб в пучине вод:
В беспомоществе глубоко лежит ни жив ни мёртв.

Промокшему до нитки согреться нелегко,
Но возвращенье к жизни ускорило б тепло.

Русалочка вздохнула, всю храбрость собрала,
Подвинулась поближе и за руку взяла.
В лицо тревожно смотрит: поднимутся ли веки?
Родное что-то есть в спасённом человеке...

Но нет, он не очнулся, хотя ладонь теплеет.
Сейчас вторую руку она ему согреет.

...Похоже, что лицо слегка порозовело,
Но всё же, мелкой дрожью вибрирует всё тело.
Одежду ледяную с бедняги надо б снять,
Да растереть руками, даря тепло, обнять.
Но страшно... На такое русалка не решится,
Хотя почти успела в спасённого влюбиться...

А если он очнётся? И хочется, и жутко.
Русалка от волнения застыла на минутку.
На море оглянулась: она туда нырнёт,
Как только житель суши, согревшись, оживёт.
Потом рукой дрожащей дотронулась до лба:
Волнистый длинный локон в сторонку убрала.
Горячие ладони к его щекам прижала,
Глаза свои закрыла и тоже... задрожала:
От ошущенья чуда, от страха и волнения,
От нежности момента, сомнений, восхищенья...
Так сердце колотилось, что тяжело дышать!
Как сладко его кожу руками ощущать...
Он – чуждый незнакомец, но милый и родной.

От ласковой заботы очнулся китобой.

Он очи открывает, а рядышком – девица:
К щекам прижала руки, сидит, не шевелится.
Хотя теплы ладони – белее снега кожа.
Опущены ресницы – на ангела похожа.
Столь тонкая одежда фигуру облегает,
Что очертанья тела мужчина понимает.
Волос прямых и светлых струится водопад.
Наверное, он умер, но видеть деву рад.

Окинул взором небо. Последний солнца луч
В ту самую минуту закрыла стая туч.
И вспомнил шторм коварный бесстрашный капитан,
Удар волны могучей, столкнувший в океан...
Он сжал ладонь и в пальцах почувствовал песок.
Как здесь он очутился? Ведь берег был далёк.

К прекрасной деве юной вновь обратил он взгляд.
«Я жив, – теперь подумал. – И нашей встрече рад».

Его лицо теплеет, озноба дрожь прошла.
И, веки поднимая, русалка замерла.

Два глаза изумрудных на девушку смотрели.
Русалочкины щёки смущением зардели.
Отдёрнула ладошки, а китобой – поймал,
Дрожащей девы пальцы в ладонях нежно сжал.
Улыбкой молчаливой он девушку пленил:
Ей в море возвратиться не доставало сил...

Кудрявый чернобровый мужчина молодой
Очаровал русалку своею красотой:
На смуглое лицо вернулись жизни краски,
Чуть удивлённый взгляд был преисполнен ласки,
Как бездна океана – зелёные глаза...

Тут с моря дунул ветер, ударил гром: гроза.

Русалка оглянулась: морской могучий вал
На берег надвигался, её с собою звал.

– Идём, – шептали волны, – тебе пора домой! —
Тянулись ко влюблённым холодною водой.
Достигли капитана и залили сапог.

– Укрыться где-то нужно, – он наконец изрёк.
На локте приподнялся и обмер в тот же час,

Волну большую видя: – Она погубит нас!
Идём! – зовёт русалку, но девушка сидит,
С печалью неземною в лицо ему глядит.

Не понял её грусти спасённый китобой:
– Нам нужно торопиться, не то снесёт волной!

Он на ноги взметнулся.

– Скорее! – закричал.
И... хвост увидев рыбий – осёкся, замолчал.

В глаза друг другу смотрят и не находят слов...
У вала же морского для них ответ готов —
Волною беспощадной обоих он накрыл:
Объял русалку нежно и с ног мужчину сбил.

Шипя сердито, пенясь, солёная вода
Влюблённых друг от друга уносит навсегда:
Русалку возвращает назад, в глубины вод,
А капитана держит, вдох сделать не даёт.
Как щепку крутит, вертит лихой морской поток:
Летит в лицо мужчине и галька, и песок.
С размаху ударяет о берег каменист...
Не разобраться вовсе, где верх сейчас, где низ.

Пытаясь тщетно выплыть, он выбился из сил
И море о пощаде всем сердцем попросил.

...Отлив. Вода уходит. Мужчины силуэт.
Волнами он замучен – подняться мочи нет.
Продрогший и побитый на дне морском лежит,
Водича дождевая за шиворот бежит...
Лежит, не понимает, где правда, а где сон:
Спасён ли он русалкой? Или ума лишён?

Глава 2. Ночь

Не жить Земле без Солнца, травинке – без водицы.
Без крыльев ни букашка, ни птица не летит,
И девушка морская без милого томится,
От горестной разлуки душа её болит.
Далёкий берег манит, свод неба голубого,
Жужжанье диких пчёл – волшебный мир людской.
К любимому навстречу она поплыть готова,
Вот только, где сегодня спасённый китобой?
Так суша неприступна и море широко —
Найти друг друга в мире огромном нелегко...

С кем горем поделиться? Не любят тут людей:
Для жителей подводных всяк человек – злодей.

Родители не знают, как девушке помочь:
Сказать боится правду, молчит угрюмо дочь.
Совсем не замечает русалов молодых,
Подругам отвечая:
– Имеется жених.

Но кто таков и где он – секрет не выдаёт,
Лишь говорит с надеждой:
– Однажды приплывёт.

Сама же понимает, не сбыться той мечте:
Возлюбленный погибнет в солёной глубине...

Взгляд добрый удивлённых его зелёных глаз
Русалка вспоминала десятки тысяч раз.
Ещё хранила память тепло его руки:
Свиданье было кратким, но чувства – глубоки.

Неужто ей в печали жить до скончанья века,
Ни разу не увидев родного человека?

...Закончилась гроза, утихла в море буря,
Лишь дождик на прощанье сплошную льёт стеной.
Колено потирая и глаз подбитый щуря,
Встаёт с песка морского продрогший китобой.

Разорвана одежда, дробь выбивают зубы,
Куда идти – не знает, в сознании туман.
От ветра и дождя уже синеют губы.
Бредёт вдоль побережья хромая капитан.

Мечта его одна – понятная, простая:
Найти приют, тепло, обсохнуть, отдохнуть.
Он чудом выжил в шторм – лишь это понимает.
До города родного найти бы ему путь.

Считая капитана погибшим в бездне моря,
На берег возвратилась команда китобоев.
Поскольку шторм их судно изрядно потрепал,
Пришлось ради ремонта оставить океан.

...На голову накинув глубокий капюшон,
К причалившему барку¹ прохожий подошёл.

– Рад видеть вас, ребята, – матросам говорит. —
Видать, мою команду и шторм не победит!
Приветствую на суше!

– Ты сам-то кто такой?

– Кого не досчитались, – ответил китобой.

Насмешливая шутка старпома² разозлила:
С нахала капюшон рванул что было силы!
И замерли все люди, не знают, что сказать:
Погибший в океане сумел их обогнать!

С улыбкой добродушной утопленник стоит,
На верную команду приветливо глядит.
Он первым возвратился, а как – не скажет сам.
Осталось лишь поверить подобным чудесам!
Он помнит день ненастный, огромную волну,
Но кто на берег вынес, когда он шёл ко дну?
Немало разных сказок сложили моряки,
Но в этот раз догадки так к истине близки...

Он жив, лишь это важно, вернулся в дом родной
И, видно, будет счастлив с красавицей женой.
Невеста есть с приданным: приличная семья
Пророчит капитана для дочери в мужья.
Девушка симпатична, богата и умна,
Но снится китобою другая... Не она.

¹ Барк – морское трёх-пятимачтовое парусное судно с прямыми парусами на всех мачтах, кроме кормовой мачты без реев, которая имеет косые паруса. Барки ценили за скорость. В данном случае говорится о трёхмачтовом китобойном барке.

² Старпом – старший помощник капитана на корабле.

Приходит к нему в грёзах, когда он крепко спит,
Луны светлее дева, в лицо ему глядит.
По кудрям нежно гладит, проводит по щеке.
Тепло её ладони он чувствует в руке.
Печальная улыбка, лазоревые очи
Тревожат его сердце – и он проснуться хочет:
Волос её коснуться, к своей груди прижать,
С ней провожать закаты и новый день встречать...
Любовь волной безумной мужчину накрывает!
Но это – сон, проснувшись, он с грустью понимает.

Невеста предложенья который месяц ждёт,
А капитан простится – и в плаванье уйдёт.
Признаться не решаясь, что к свадьбе не готов,
Удобно уплывать на промысел китов.

Теперь же, после шторма, совсем пропал покой,
И снова в океан собрался китобой.
Запутался мужчина: откуда этот сон?
Огонь в груди пылает – действительно влюблён!
Где девушку он видел в наряде серебристом?
Как выжил и на сушу попал настолько быстро?
Надеется, наивный, что прояснится ум,
Когда поднимет парус и волн услышит шум.

Из гавани корабль выходит. Невдомёк
Бедняге капитану, что он себя обрёл...
Его губило море – русалочка спасла,
Волна о камни била, но выжить шанс дала.
Охоту продолжая, он лезет на рожон:
Несчастье приключится – вновь будет ли спасён?

Спокойно и уютно на глубине морской
В обители русалок.

Приплыл отец домой
И говорит супруге:
– У северных ворот
Я парусник заметил – седьмой за год плывёт.
Когда-то меньше было на море кораблей,
Лишь в сказках и легендах слышали про людей.
Сейчас – покоя нет, снуют туда-сюда:
Торговцы, китобойцы, военные суда.

– Их, видно, манит море. На нас они похожи, —
Жена предположила.

– Отнюдь! Смуглее кожей,

А волосы и души – морских глубин темней!
Не сравнивай, родная, русалок и людей!
Мы дружим с океаном – у них же всё не так.
То рыбу сетью ловят, то – полный кавардак:
Бабахают из пушек и топят корабли.
Неужто для сражений недостаёт земли?
Как уберечь детей нам от вида мёртвых тел,
Что за борт выпадают, узнать бы я хотел!
Убить и сжечь готовы всё на своём пути...

– Ты судишь слишком строго.

– Они же – дикари!
Как было бы прекрасно безграмотных людей
Раз навсегда отвадить от синих вод морей...

– Всего один корабль вреда не причинит.

– Всего один корабль?!

– Потихе, дочка спит.

– Вдруг, это – китобоец? – волнуется отец. —
Коль их не остановим – придёт китам конец!

– Я вижу, ты собрался с тем судном воевать?
Тогда ты их не лучше.

– Права, права ты...

– Сядь.
Русалки не приемлют конфликты и войну.

– Тогда пусть океан отправит их ко дну...

Возможно, слишком громкий случился в доме спор
Или к русалке юной сегодня сон не шёл —
О судне проходящем дочурка услышала.

Тотчас же её сердце надеждой воспыхало!
Тихонько покидает родимую обитель.
Счастливейшую новость принёс её родитель!
Ещё один корабль! Как знать, а вдруг там он,
Мужчина чернокудрый, что ею был спасён?

В волнении чрезмерном красавица дрожит,
Душа быстрее тела к поверхности летит.

Темно в морских глубинах. Уже спустилась ночь,
Но дожидаться утра русалочке невмочь.
Бойтся, вдруг корабль куда-то пропадёт,
Изменит курс? Уж лучше, сейчас его найдёт.

Судьба к ней благосклонна: ночь тихая ясна,
И освещает море помощница луна.

Русалка оглянулась, немного поплутала
И, наконец, три мачты на барке увидала.
Приспущены немного, белели паруса.

Как славно, что светлы сегодня небеса!

По глади серебристой корабль дрейфовал³.
Штиль⁴ полный: ветер стих, спокойно почивал.

Вот парусник всё ближе. Кружится голова,
Стук сердца оглушает – так этот миг ждала...

Прекрасно ночью море при отблесках луны!
Корабль засыпает, матросы видят сны.

³ Дрейф – произвольное перемещение судна при спущенных парусах под воздействием течения или ветра.

⁴ Штиль – полное безветрие, затишье на море.

На вахте у штурвала знакомый капитан.
К нему старпом подходит: на мостике пост сдан.

На палубу спускаясь, задумчив китобой.
В каюту не идёт, любуется луной.
Подходит к краю борта, в даль звёздную глядит.
Одна и та же дума рассудок берedit:
Кто смерть его отсрочил в час бури роковой
И как отнёс на берег, где с ним играл прибой?
Какая тайна скрыта в той девушке из сна?
Но осознать не может: отгадка тут одна!

Да, волны потрудились с русалкой встречу смыть,
Но образ её нежный мужчине не забыть.
Любовь терзает сердце. Он сам себе смешон:
Влюбился, дурень, в грёзы! Знать, тронулся умом...

Русалка возле барка. Как страшен он в ночи!
Она впервые видит так близко корабля.

Недавно проплывали по морю два фрегата:
Один военный был, а на втором – пираты.
Друг друга ненавидя, залп дали огневой —
Русалка испугалась и уплыла домой.

Сейчас корабль можно спокойно рассмотреть.
Она плывёт по кругу и миновала треть.

При огоньках зловещих сигнальных фонарей
Спит судно, не видать на палубе людей.
Лишь мачты-великаны пугающе скрипят,
Сеть вант⁵, как паутину, сорвать с себя хотят.

С тревожным любопытством плывёт морская дева.
Корму и правый борт, волнуясь, разглядела.
Надежды не теряя, заканчивает круг.
Нос судна обогнула – и обомлела вдруг:
Стоит у края борта мужчины силуэт
И так напоминает из памяти портрет...
Высокая фигура, красивый хвост кудрей —
Его лицо увидеть так хочется скорей!
...Какой знакомый профиль! Усы и борода,
Густых бровей изгибы, что в сердце навсегда...

Русалочке от счастья захватывает дух.
Но как глаза увидеть? Ошиблась, может, вдруг?

Её не замечая, мужчина смотрит вдаль.
Весь в мысли погрузился и в облике – печаль.

Бесшумно, словно рыбка, русалочка плывёт.
Тревожится: что, если моряк сейчас уйдёт?
А коли взгляд опустит, чего ему сказать?
Ведь в полутьме он может русалку не узнать...
А если он и вовсе их встречу позабыл?

Решение принять у девушки нет сил.
Так много рассказать она ему хотела,
Но вот настал момент – и сковано всё тело...

Её терзаний рядом не видит капитан
И спать идёт в каюту, ведь пост давно им сдан.

⁵ Ванты – канатные растяжки между мачтами и бортом парусного судна, служащие для придания мачтам устойчивого вертикального положения.

Русалка испугалась. Решенья так и нет.
Окликнуть нужно громко, не то простынет след.
Момент почти упущен, ей на борт не взлететь...
Что делать?! Он уходит! И озарило – спеть!

Дрейфуя возле судна, русалочка вдохнула,
Ресницы чуть прикрыла и песню затянула.
Спокойней стало сердце, яснее голова,
В устах рождались сами все нужные слова.

– Приди ко мне, мой милый, я так тебя ждала...
Ты помнишь ли ненастье, когда тебя спасла?

Мужчина оглянулся, услышав песни звук:
Быть может, из матросов кто прихватил подруг?!
Откуда голос женский? Нет дам на корабле.
И понял с удивленьем, что он звучит извне...

– В глубины океана ты уходил на дно,
Но мне тебя заметить судьбою суждено.
Мы всплыли на поверхность, морской могучий вал
Меня с тобой на берег быстрее ветров домчал.

Слова расслышав песни, как громом поражён,
Оцепенел мужчина: герой ведь её – он!

– Я на тебя глядела не отрывая глаз,
Но строги силы моря – разъединили нас...

Мелодия простая в полночной тишине
Чуть эхом отдаваясь, была ещё грустней...

– Я руки согревала, когда ты весь дрожал,
Волос твоих касалась, но ты так крепко спал...

У капитана сердце стучит, как барабан,
Сбивается дыханье – волненьем обуян.
«Откуда эта песня? Быть может, в голове?
Ведь петь не может море! Я не в своём уме...»

– Не уходи, любимый. Теряешься в ночи...
О многом не мечтаю, лишь взглядом одари.

Метнулся что есть духу тут к борту капитан,
Схватился за перила, вниз поглядел, а там —
Девушка в лунном свете, белей ночной звезды.
Наверх с надеждой смотрит, глаза чуть-чуть грустны.
Он помнит её, знает! То – фея его снов.
Влюблён в неё безумно – тотчас обнять готов!

Увидев капитана, русалка замерла.
Обрадовалось сердце, что песня помогла.
Вернулся! Здесь он, рядом! Заметил и узнал...
Да, это он. Тот самый, кто в бурю погибал.

Сейчас их разделяет лишь борта высота.

Вблизи ещё роднее мужчины красота:
Глядеть – не насмотреться... Зачем он человек?!
Ах, если б был русалом! Не быть вдвоём вовек...

Прощальным долгим взглядом русалка посмотрела,
Из глаз катились слёзы... И песенку допела:
– Тебя я не забуду. Мой образ сохрани.
Поможет только чудо счастливой быть в любви.
Ты – суши уроженец: чужда тебе вода.
Мой дом – глубины моря. Прощай же навсегда...

Как горько расставаться, свиданья сладок миг.
На борт бы ей подняться, но вместо ног – плавник...
Не суждено, как видно, любимого обнять.
Он смотрит, не уходит... Ну, всё. Пора нырять.

– Прощай! – шепнула дева, под воду уходя.

– О нет! – вскричал мужчина. – Сейчас спасу тебя!

Так счастье было близко, момент, который ждал...
Одним прыжком бесстрашным на поручень он встал!
Порыву отдаваясь, влюблённый китобой
В глубины вод зеркальных нырнул вниз головой...

Кто девушка из сна и почему в воде —
Совсем неважно было: сейчас она в беде.
Мужчина с чистым сердцем спасти её хотел,
Русалки рыбий хвост в ночи не разглядел.

Влюблённых расставание – бездонно,
Им встречей не напиться никогда.
Разлука хоть на день – длиною в вечность,
Минута длится целые года.

Русалочка, что гонит тебя прочь?
Надежду подарив, ты ускользаешь.
Но капитану потерять тебя – невмочь,
Уплыв, ты его сердце разбиваешь.

...Легко ли чувства запереть на ключ?
В лёд заковать страдающую душу?
Всё то же солнце под покровом туч,
И горизонт не топит в море сушу.

Пусть разум говорит, свиданье – боль,
Душа рыдает, просит оглянуться.
И океану не залить огонь,
Коль в унисон два юных сердца бьются.

...Нырнул мужчина в воду, девицу ищет страстно,
Не верит, что русалку собрался он спасать.
Во тьму глубин плывёт, не чувствуя опасность —
Ему морскую деву не суждено догнать.

Вода всё холоднее и не видать ни зги.
Две мысли в голове: «Найдись, не уходи!
Ты всех на свете краше, дороже и роднее...» —
Но даже моряки плыть рыбой не умеют.
«Куда она пропала? ...Так хочется вдохнуть,
Но время потеряю... Мне б воздуха чуть-чуть!»

От девушки прелестной нет в море и следа:
Исчезла, растворилась... Как чувства обуздать?

...Русалка оглянулась: назад душа зовёт,
Но сковывает сердце сомнений тяжких лёд.
Вернуться – бесполезно, ему в воде не жить.
И сможет ли вообще он русалку полюбить?

Над головой был бледный, едва заметный свет
И безрассудно плывший за нею силуэт.

«Нырнул... Меня он ищет! – русалка обомлела,
Застыли плавники, не шелохнётся тело. —
Ему меня не видно, во тьме не отыскать.
Плывёт, хотя не может в такой среде дышать...
Себя не пожалеет – так долго под водой!»
Выходит, её помнит мужчина молодой?

Пусть дальше будь что будет – разбит сомнений лёд!
Навстречу капитану русалочку влечёт.

«Неужто показалось?» – подумал китобой,
Готовый захлебнуться солёною водой.
Всё чаще сердце билось, в висках уже был шум.
Обратно, задыхаясь, на воздух повернул.

Был глубже, чем подумал, отчаянный моряк:
Поверхности всё нет, и меркнет свет в очах...
Сжимая крепче губы, гребёт он со всех сил.
Тут сзади его кто-то за пояс обхватил.
Ускорилось движенье.

– А-а-а...
«Воздух, наконец!
Благодарю за помощь, таинственный пловец!»

Он продышался. Рядом та девушка была:
В глаза ему смотрела. Светла и так мила...
При звёздах серебрится нежнейший шёлк волос,
Спокойный добрый взгляд, слегка курносый нос.

– Благодарю, – промолвил смущённый китобой. —
Я думал, ты тонула, нырнул вслед за тобой.
Но почему ты в море? Ты снова снишься мне?
Я сплю? Или реально барахтаюсь в воде?

Русалка улыбнулась и руки подала.
Он принял их. Девица вдруг быстро поплыла.
Скользит по глади моря и следом увлекает.
Вот тут-то капитан всю правду понимает...

В ночи раздался голос:
– Эй! Кто там за бортом?

То, плеска звук услышав, кричал с кормы старпом.

Русалка оробела и скрылась под водой.

– Постой, – мужчина просит. – Побудь ещё со мной.

Одну разжал лишь руку, боится – уплывёт.
Кричит старпому громко:
– Да я, друг Кашалот!

– Чего вы там забыли, любезный капитан?

– Купаюсь в лунном свете! А ты? Не хочешь сам?

– Спасибо, воздержусь я. Водича холодна.
Вы молоды – купайтесь, раз ночью не до сна.
Я лестницу вам скину.

– Благодарю, мой друг!

Русалочка из моря чуть вынырнула тут.

Запястье хочет вырвать, встревожен её взгляд.

– Не бойся. Не обижу. Я вовсе не пират.
Останься.

– Он заметит... Пусти меня, молю!

– Увидимся ли снова?

– «Прощай» не говорю...

Мужчина очень нежно на девушку смотрел —
Испуганное сердце русалочки согрел:
Столь искренней надежды исполнен его взор —
Таких влюблённых глаз не знала до сих пор.

Старпом вернулся к борту, для друга трап принёс.

«Эх... До чего ты шустрый, мой верный старый пёс...»
И, разжимая пальцы, промолвил китобой:
– До встречи.

Тотчас дева пропала под водой.

Вздыхнул мужчина грустно и к кораблю поплыл.

Помощник удивился, что тот одетым был:
Вот странное купанье среди ночи в сапогах!
Вода с него рекою, задумчивость в глазах.
Какая-то загадка... Как выпал он за борт?
Кто плавать собирался – в одежде не нырнёт.

Глава 3. Кит

Давно минуло утро, на море ясный день.
Русалочка проснулась. В глазах – тревоги тень:
На месте ли корабль? А если он уплыл?
Просил моряк о встрече – серьёзно иль шутил?
Нет-нет, какие шутки, когда глаза горят?
Красноречивей слов – поступки говорят.
Ей нужно на поверхность – увидеть паруса.
Как улизнуть от близких хотя б на полчаса?

– Ты заспалась, дочурка, – ей мама говорит. —
Скажи мне, ты здорова? Быть может, что болит?

Русалка улыбнулась, подумала: «Душа».
Сердечко-то дрожало, скорей наверх спеша.

– Ты ночью уплывала? – вполголоса отец
Спросил её неожиданно. – Кто был этот юнец?
Держу я на примете достойных женихов,
Но у тебя один ответ для всех готов —
Отказ немногословный. Скажи, кого ты ждёшь?
Ночной твой воздыхатель достаточно хорош?
Я знаю, не захочешь ходить в невестах век.
Пусть приплывает в гости.

«Но он же – человек! —
Подумала русалка. – И чуждый, и родной.
Почти недосыгаем... Не пригласишь домой».

– Ах, папа, это сложно... Приплыть не может он.

– Застенчивый? Болеет? Иль плавников лишён?

От слов его последних девица побледнела.
Дрожь страха быть раскрытой окутала всё тело.

– Простите, что-то дурно...

– Спала, как видно, мало!

– Снаружи прогуляюсь.

И дочка усвистала.
Над городом подводным летит она стрелой.
Устала, отдышалась. Глядит над головой:

Где парусник, корабль? Не виден его киль⁶.
Всплывает на поверхность. На море – полный штиль.

Налево и направо русалочка глядит:
У горизонта – мачты, поближе – крупный кит.
На солнце всплыл погреться почтенный исполин,
Любимый персонаж русалочьих былин.

Обрадовалась дева: корабль не уплыл!
Ещё раз повидаться возможно с тем, кто мил.

С рассветом встал моряк, хотя и крепко спал.
Смотрел на горизонт и песню вспоминал,
Что пела ему дева: «Мой дом – глубины моря...»
Безбрежная печаль в груди у китобоя.
Прекрасная русалка ему всех дам милей,
Но ей нельзя на берег в жестокий мир людей.
Там враз её объявят научным образцом —
Да на алтарь науки со вспоротым брюшком...
И просто повидаться отнюдь не так легко:
В команде китобоев все смотрят далеко.
Её заметят сразу при ярком свете дня,
Опасно появляться у борта корабля.
Да... Доля не из лёгких – русалку полюбить.
И нужно за китами куда-то дальше плыть.
Как выйти ему к людям? Он – не простой матрос,
А капитану судна негоже вешать нос.

Уже полдня минуло, нет жизни в парусах,
Но гложет китобоя один и тот же страх:
«Нельзя нам уходить. Влюбился на беду!
Как в море безграничном я вновь её найду?»

Вдруг – крики за порогом! На барке суета.
Ликует вся команда: заметили кита!
Готовят гарпуны⁷, верёвки, снаряженье.
В глазах у моряков азарта возбужденье.

Врываются в каюту:
– Вот счастье, капитан!
На фоне горизонта китовый бьёт фонтан!
Пока далековато, но ясно – крупный кит!
Э-эх! Будет до отказа трюм⁸ ворвань⁹ набит!

⁶ Киль – продольный брус, служащий основанием нижней части корабельного корпуса.

⁷ Гарпун – разновидность копья, ручное метательное оружие китобоев с зазубренным наконечником на длинном тросе.

⁸ Трюм – внутреннее помещение корабля между нижней палубой и днищем судна, служащее для размещения груза, двигателей и других нужд.

⁹ Ворвань – устаревшее название жира морских млекопитающих и некоторых рыб, в данном случае – китовый жир.

– Готово снаряженье?

– Лишь вас мы только ждём!

– Вельбот¹⁰ спускайте за борт: мы на кита идём.

...Нырнула дева вниз, вокруг глядит тревожно:
Нет слежки ли за ней? Быть нужно осторожной.
Но к счастью, никого. Лишь рыбки тут и там.
Все мысли занимает, конечно, капитан.
Русалочка мечтает его увидеть днём,
Поговорить о разном, побыть хоть час вдвоём.
Но к барку приближаться рискованно сейчас,
Когда вода прозрачна и много лишних глаз.

Русалка осторожно вокруг кита проплыла:
Какая же в нём мощь, недюжинная сила!
Он будто бы скала живая в океане,
И радуга на солнце горит в его фонтане.

Подумавши, беглянка домой не повернула.
Отвагу собрала, в глубины вод нырнула:
Решила незаметно вперёд проплыть чуть-чуть.
Подняться лишь на миг – на палубу взглянуть.

Сквозь воду смотрит вверх: на корабле движенье.
В то время китобои готовят снаряженье.
Спускают шлюпку вниз, и восемь моряков,
Охоту предвкушая, садятся ей на борт.

«Куда они собрались?» – в недоуменьи дева.
Погрузку гарпунов она не разглядела.
Что это – китобои, бедняжке невдомёк.
Кончину всех китов не зря отец предрёк.

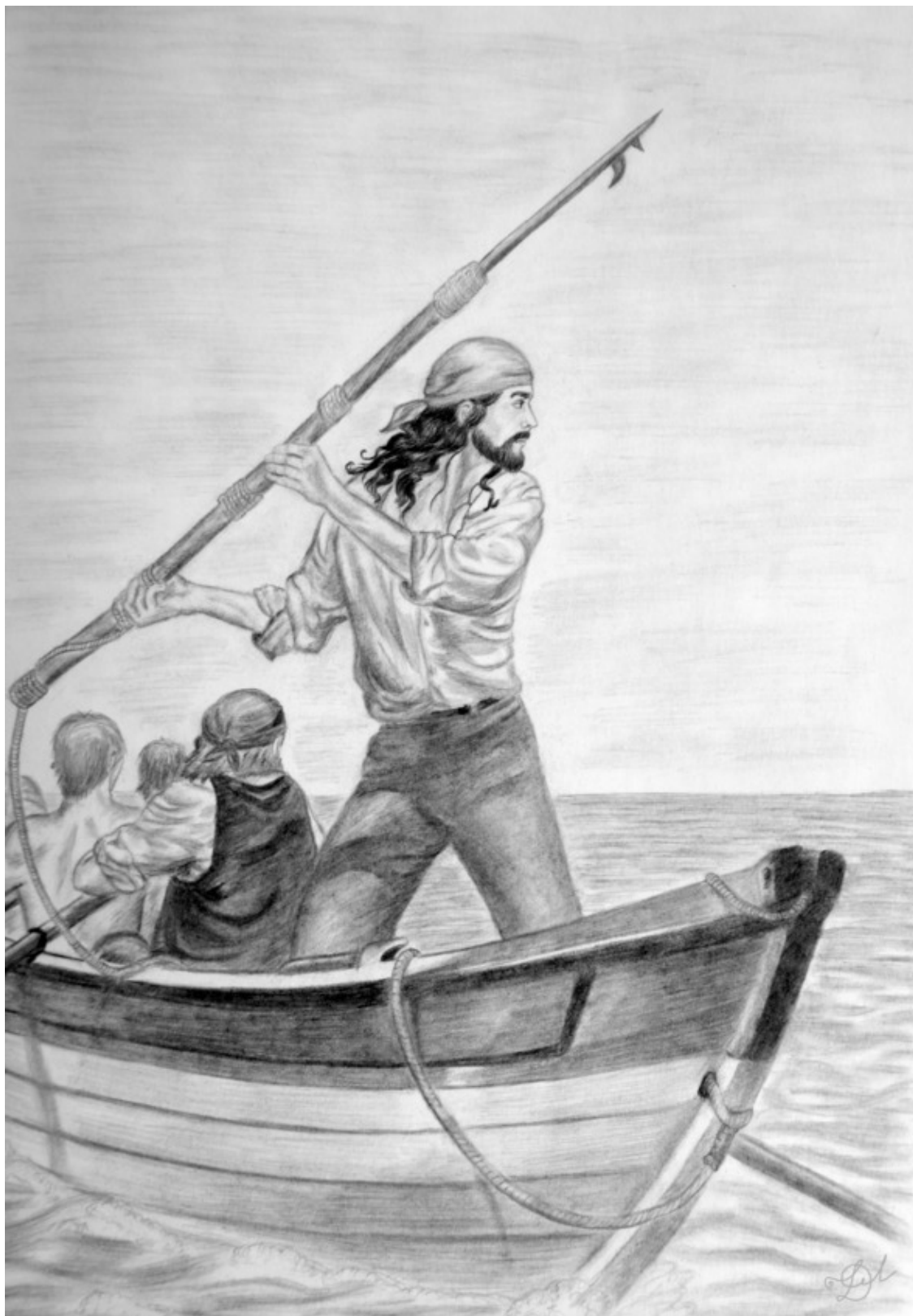
На что-то указав за ней в морской дали,
Плечистые мужчины на вёсла налегли.

Русалка отплыла в сторонку поскорей.
Боишься: не она ли – цель вылазки людей?
Однако любопытство сильнее распирает:
То прячась, то всплывая, за лодкой наблюдает.
Хотя сегодня лучше б она была с семьёй...
Жестока правда жизни: любимый – китобой.

¹⁰ Вельбот (от англ. whaleboat, буквально «китовая лодка») – быстроходная, относительно узкая, 4—8 вёсельная шлюпка с острыми образованиями носа и кормы.

Вельбот упорно, быстро, меж тем плывёт вперёд,
К морскому исполину. И на ноги встаёт
Высокая фигура – один из моряков
Метнуть гарпун в гиганта безжалостно готов.

Едва узнала дева – как грозен он сейчас:
Нахмуренные брови, почти не видно глаз.
На голове – косынка, распущен хвост кудрей,
Напряжена фигура. Он кажется взрослей.
Гарпун в замахе держит и целится в кита...
Всё. Цель людей в вельботе русалкой понята.

Что делать? Жаль кита. Возможно ли спасти?
Ведь у мужчин азартных не встанешь на пути.
Плывёт, рискуя, ближе сверкая чешуёй.
Уловом китобоев не стать бы ей самой.

Кричит в сердцах:
– Не троньте!

Но поздно, ранен кит. Гарпун в спине гиганта
Уродливо торчит. Обрадовались люди.

– Крепите линь¹¹! – орут.

Рассержен исполин, хвостом ударил тут.

Качнулась шлюпка сильно, лишь чудом уцелела!
Охота на китов – рискованное дело.

Разводы алой крови расплылись по воде...
Что предпринять русалке? Морской гигант в беде!
А во главе злодеев – любимый человек...
Столь сложную задачу не разрешить вовек.

Едва осели брызги, в вельботе суета:
Одним лишь гарпуном не удержать кита.

– Второй гарпун!

– Гребите!

– Быстрее, капитан!

– Метайте!

– ...Пощадите!
Он зла не сделал вам!

Отчаянный крик девы услышал рулевой,
Узрел лицо русалки у шлюпки за кормой:
Летит за ними следом, мелькает хвост в воде,
Серебряные блики на светлой чешуе.

Гарпунщик¹² наготове. Пока не виден кит.
А за его спиною горячий спор кипит:
– Смотри!

– Русалка сзади!

– К удаче!

¹¹ Линь – тонкий растительный трос диаметром от 3,8 до 11,2 миллиметра. В данном случае, гарпунный линь – длинный трос, крепящийся к гарпуну.

¹² Гарпунщик (или гарпунёр) – человек, бросающий гарпун при китовой ловле.

– Нет, к беде!

Почти что позабыли мужчины о ките.

Заметили её – девица понимает,
Но снова о пощаде с надеждой умоляет.

... Знакомый женский голос! Гарпунщик содрогнулся,
Едва не завалившись, налево обернулся.

Обычно китобоям почти неведом страх,
Но, девушку увидев с отчаяньем в глазах,
Мужчина испугался, почувствовал укор.
Ослабли руки разом, гарпун в них стал тяжёл...
Что делает он в море? Убийства ведь творит!
Впервые понял это... Но тут всплывает кит.

Одни орут:
– Русалка!

Кричат вторые:
– Бей!

Принять решение нужно гарпунщику быстрей.

Молчит морская дева, глядит ему в глаза...

У шлюпки показалась китовая спина.

– Эй, капитан! Очнитесь!

– Гарпун бросай скорей!!

Всё как во сне... Неясно...

Тут кто-то из людей
Из пальцев ослабевших гарпун себе забрал.
Но кит под воду скрылся, лишь брызгами обдал.

На шлюпке вздох досады. Садится капитан:
Ни жив ни мёртв – унижен и в голове туман.
В один короткий миг весь мир перевернулся.
Он будто спал всю жизнь и лишь сейчас проснулся.
Он понял, что злодеем в глазах любимой был...

– Попал! – помощник младший гарпун в кита вонзил.

– Ну всё, теперь попался! – смеются моряки.

– Айда, друзья, кататься! Нас к барку, кит, вези!

– Линь закреплён надёжно?

– Конечно! Не шути.

Несётся кит по морю – от боли не уйти.
Занозы-гарпуны в спине его торчат.
А моряки – ликуют, на шлюпке следом мчат.
Русалке не догнать их – так скорость высока.
Плывёт, как может, сзади, следит издалека.
В воде пред нею алый китовой крови след.
Что натворил любимый – ему прощенья нет...

По морю кит петляет, но не сбавляет ход,
И, волны нарезая, летит за ним вельбот.

– Ну, ничего, устанет, – спокойны моряки.
Одно лишь беспокоит: от барка далеки.
Как с тушею огромной потом обратно плыть?
Непросто, видно, будет её с собой тащить.

...Устав от дикой боли, кит злится всё сильнее.
Ох, и накажет море зазнавшихся людей...

Глядит старпом: где мачты? Совсем их не видать.
И солнце-то в зените, где барк? Не разобрать...

Тут кит убавил скорость и будто потонул:
Исчез в морской пучине.

Под шлюпкой слышен гул.

Дыханье затаили, застыли моряки:
Всё, выдохся извозчик? От правды далеки:
Гигант придумал хитрость, чтоб лодку отцепить.
Хотя слабели силы, хотел страдалец жить.
Собрав остатки мощи, он выпрыгнул из вод
И – боком завалился на крошечный вельбот!
Он брюхом многотонным сминая моряков,
Трещат борта у шлюпки – жестока месть китов.

В глазах русалки ужас, от страха хвост свело...

Да, экипажу лодки в тот день не повезло:
Фонтаном брызги, щепки... Свободен грозный кит!
Вельбот – остался в прошлом: он вдребезги разбит.

Огромный хвост как знамя над морем воспарил:

Гигант собой доволен – тиранов победил.

На место катастрофы безумно страшно плыть:
Без жертв она навряд ли сумела обойтись...
Вода бурлит и плещет, обломки закрутив.
Возможно ль, что из шлюпки остался кто-то жив?

Почти зажмурив очи русалочка плывёт.
Полуминутой раньше здесь был с людьми вельбот...

В воде не тонут щепки, и на доске одной
Повис, вцепившись крепко, мужчина пожилой.
Русалочку заметив, он с болью произнёс:
– Погибли молодые... Я – выжил, старый пёс...

Не видно уцелевших – и зарыдал старик,
Щетинистой щекой к своей доске приник.

Неужто в самом деле живых здесь больше нет?
Плывёт русалка дальше. Вот, чей-то силуэт...
Ему не повезло – с разбитой головой.
Прощай, покойся с миром, бедняга рулевой.
Домой пришельцам с суши попасть не суждено —
Тела все остальные уже пошли на дно.
Вода красна от крови: китовой и людей.
Найти б почище место, умыться поскорей...

Тревожно бьётся сердце: гарпунщика здесь нет.
Выходит, тоже сгинул? Найти б какой-то след.
Не видно среди обломков... Кружится голова.
Так жутко это место – сама полужива.

Вдруг воды зашумели, всплывают пузыри.
Русалка оглянулась: чем вызваны они?
Не кит ли возвратился? Но там мужчина был,
Затянутый в воронку, когда гигант уплыл.
Все силы напрягая, из бездны выгреб он,
Но в шоке пребывает, не верит, что спасён.
Волос чернящих грива видна из-под платка,
Глаза совсем закрыты, нет мочи для рывка.
Усталый, воду плещет, нос заливает, рот —
Никак не продышаться. То тонет, то всплывёт.

Спешит к нему русалка, лицо приподняла —
Прокашлялся, вдохнул. Кто это – поняла.

– Любимый, – тихо шепчет, и слёзы на щеках. —
Ты жив, какое счастье! Отпустит сердце страх.

Но он её не видит, не понимает слов,
Звон в голове, в ушах – к общению не готов.

Под мышки его сзади русалка обняла
И время отдышаться, прийти в себя дала.
Он тёплый, крепкий, милый, такой душе родной...
Но почему – убийца? Зачем он – китобой?

Открыл глаза мужчина: кто держит – не поймёт.
И спрашивает с жаром:
– Скажи мне, где вельбот?!

– О чём ты?

– Наша лодка.

– Кит в щепки поломал.
Он кровью истекает, его шанс выжить мал...

– А люди?

– Утонули.

– Как?! Только я живой?

– Ещё один мужчина...

– Один?!

– Да.

– Боже мой...

Так горько капитану – и слов не подобрать.
Глядит вокруг со скорбью – погибла его рать.
Осталась чья-то шляпа, качается в воде...
А где её хозяин? Покоится на дне.
Обломки шлюпки, вёсла, кровавые следы —
Последствия крушенья не скрыть воде, увы.
Убит несчастный горем и в пору зарыдать.
Шесть человек погибло... Как этот факт принять?

«Но кто же меня держит?» – спросил себя моряк.
Чуть обернулся, понял: у девушки в руках.

– Ты вновь меня спасаешь, – промолвил китобой. —
А я ведь так виновен пред морем и тобой...

Русалка промолчала, лишь крепче обняла.
Слезой горячей щёку внезапно обожгла.

Он развернулся к деве:
– Родная ты моя,
Добрейшая русалка... Я так люблю тебя!

Взглянул в глаза ей нежно, в объятия заключил
И, в волосы уткнувшись, прощенья попросил...

Она не отстранилась и обхватила плечи.
Бедняге капитану немного стало легче.
Щекой к щеке прижались. К чему слова сейчас?
Тихонько оба плачут, не открывая глаз.
Уходит со слезами вины, утраты боль —
Опять воспрянет к жизни разбитый китобой.

– Наверное, устала меня в воде держать?

Русалка прошептала:
– Не смела и мечтать,
Что вновь тебя увижу... Как страшен в гневе кит!

– Я сам повинен в этом. Едва им не убит.
К охоте зарекаюсь: я жизнь не заслужил...
Прости, не раз гарпуном я плоть живую бил.

В глаза девице смотрит.

– Не знаю, как простить...
Но раз ты сам всё понял – мне не за что винить.

– Добра ты, словно ангел. Скажи, как тебя звать?

Ответила русалка:
– Мне имя – Благодать.

– Как точно! – поразился воспрянувший моряк.

Девица улыбнулась.

– А мне тебя звать как?

– Ролан.

– Что это значит?

– О... Это значит – «слава».

– Ты славный, мой Ролан, всегда я это знала...

К щеке её прижался чуть колкой бородой
Обласканный мужчина:

– Так хорошо с тобой...

Но ты упоминала, что кто-то ещё жив.

Так где же он? Не вижу. Скорее покажи.

– За тем большим обломком его не видно нам.

Русалку отпуская, поплыл туда Ролан.

– ...Старпом! – кричит, заметив косынку старика.

Тот вздрогнул, обернулся, глядит издалека.

– Ролан?! Мой славный мальчик! Я думал, что один,
А ты со всеми вместе раздавлен...

– Погоди!

Подплыл моряк, обнял старпома за плечо.

Глаза вновь защипало и в горле горячо:

– Трагедия случилась. Погиб весь экипаж...

– На что идём – все знали. Рискованный труд наш...

Мы – тоже не счастливы: корабль не видать.

И ветра нет совсем. Нас будут ли искать?

Приблизилась русалка, расслышав их слова:

– Ролан, где ваше судно, я б показать могла.

Старпом засомневался:

– Ей можно доверять?

– Мне жизнь не раз спасала. Знакомься – Благодать.

Её на белом свете не разыскать добрей.

– А говорят, русалки опасны для людей...

Девушка растерялась, но капитан помог:

– А мы с тобою – лучше? Губители китов...

Прости же его, Благо. Старпом мне как отец:

Он принял меня юнгой...

– Талантливый, шельмец!

Ты вырос в капитана – кто б мог предположить?

– Но китобоем больше я не желаю быть...

– Я покажу дорогу, но буду под водой:
На солнышке мне тяжело.

– Вперёд, мы за тобой.

Глава 4. Поцелуй

С момента катастрофы прошло часа четыре.
Плывут мужчины к барку. Русалочка пред ними
То вынырнет наружу, то в глубину уйдёт.
«Как медленны!» – дивится, но терпеливо ждёт.
Устали моряки, страдают от жары,
Но три знакомых мачты вдали уже видны.

– Ещё совсем немного, – пыхтит в воде старпом. —
На твёрдую поверхность мы, наконец, взойдём.
На судно возвратится законный капитан.

Но чем корабль ближе, тем сумрачней Ролан.
Безумно драматичен охоты их финал:
Сегодня человек природе проиграл...
И есть ещё одно, что дух сломить готово:
С русалочкою милой проститься нужно снова.
Любимую обняв, так трудно отпустить,
Когда от сердца к сердцу прочней каната нить...

Всплыла русалка к людям:
– Сдержала слово я.
Ваш дом надводный близко, плывите без меня.
Мне страшно приближаться при свете к кораблю.
И тайну обо мне – храните, вас молю!

– Я буду нем как рыба, – пообещал старпом. —
За всё тебе спасибо. Польщён, что был знаком.

– Плыви вперёд, дружище, – тут просит капитан. —
С борта вельбот спускают, пойдут навстречу нам.
Я догоню.

– Конечно. Русалочка, прощай!

– Прощай, – сказала та. – Китов не убивай.

Ролан молчит, печально на девушку смотря,
Ища в глазах ответы:
– Позволь обнять тебя.

Русалочка кивнула, ресницы опустила.

Приник к ней капитан что только было силы...
Он слышит, как сердечко колотится в груди,
И спрашивает с болью:

– Возможно ли уйти?

Как бросить, если любишь, от сердца оторвать?
Невыносимо горько и хочется рыдать...
Он девушку ласкает, рискуя утонуть,
Но ради мига счастья готов воды хлебнуть.
Та плачет молчаливо, прильнув к его плечу,
И думает: «Любимый, с тобою быть хочу».
Теплом согрета нежным в объятьях сильных рук.
Ей слышен торопливый в груди мужчины стук.

Два сердца, как по нотам, слились вдруг в унисон.
Две разные стихии: она – вода, а он —
Земля. Они так близко, граничат меж собой —
Но, что бы ни случилось, одной не стать другой...

– Ролан... Там сзади лодка, – сказала Благодать. —
Они меня заметят, мне нужно уплыть.

Вмиг замер он, очнувшись. Запнулось сердце вдруг.
Глядит в глаза русалке – в них нежность и испуг.

– Мы виделись так мало – а будто вместе век!

– Однако я – русалка, ты – с суши человек...

Хвостом до ног коснулась, проводит по щеке.

Он взял её ладошку и сжал в своей руке:
– Смотри, как мы похожи – пять пальцев, две руки.
Чуть цвет бледнее кожи, но души-то близки!

Русалочка вздохнула, качает головой:
– Всё так... Но как же вместе нам быть, любимый мой?
Жестоко подшутили над нами Небеса:
Меня – опалит солнце, тебя – убьёт вода...

Мужчина оглянулся: далёко ли вельбот?
Пока есть две минуты. А дальше? Что их ждёт?
Обнялись ещё крепче, щека к щеке, как впрямь.
Ах, если разлучат – придётся умереть...

– Мне под водой не выжить, – промолвил китобой. —
Хотя хочу всем сердцем быть рядышком с тобой.
Как видно, в этой жизни мне счастья не познать...
Позволь хоть на прощанье тебя поцеловать.

– Не надо. Будет больно. Не лицам, а душе...

Но губы в поцелуе сомкнулись их уже...
О время, не спеши! Продли счастливый миг!

Но тут уединенье нарушил чей-то лик,
Возникший из воды. Испуганы глаза.
Раздался возглас:
– Благо!

Русалка обмерла.
Прошла по телу дрожь, похолодели губы.
На голос обернулась.

– Пльвём скорей отсюда!

Глядит Ролан: мужчина с ним рядом средних лет,
С усами, бородою, в зелёное одет.
Лицом такой же светлый, как дева Благодать,
И сходство их друг с другом возможно угадать.

На них сурово смотрит:
– Что тут творится, дочь?

Молчание.

– О море... Плывём отсюда прочь!

Ладонь русалки крепко гарпунщик сжал в руке.
Настал момент разлуки. Как жить им вдалеке?
Не прячься, не стесняйся, слились устами вновь
В горячем поцелуе.

– Прощай, моя любовь.

– Ролан... Прощай, любимый!

– Тебя мне не забыть...

Влюблённым очень трудно друга отпустить.
Последний взгляд...

Под воду русалочка ушла.
А следом, глянув строго, пропал и лик отца.

Ролан почти не слышал, как подошёл вельбот...
Не помнил, как в итоге попал на барка борт...
Не понял, кто одежду на теле расстегнул
И уложил в постель... Не помнил, как уснул...

Привычно и спокойно в прозрачной глубине.
Жаль, люди не умеют дышать в морской воде.

...Плыл молча, без оглядки русалочки отец.
Она молчала тоже. Пришёл всему конец.
Секрет её раскрыли, корабль – уплывёт.
Век грустный, одинокий, её, как видно, ждёт...

– Нашёл? – спросила мама.

– Нашёл, – отец сказал.
Они домой вернулись. – Такого я не ждал...

– Куда ты вдруг пропала? – спросила дочку мать. —
Уже тревожно стало, отправились искать.

– С друзьями загулялась.

– Ты знаешь, кто они? —
Отец тут вставил слово. – Она была с людьми!

– Не может быть!

– Так точно! Поведай, Благодать,
Приятно ли мужчину земного целовать?

– Ах, рыбоньки мои!

Русалка побледнела.
Тисками сжало грудь и дрожь объяла тело.
Кинжалом резанули отцовские слова!
Зачем сказал он сразу? От шока чуть жива.

И маме стало худо:
– Присесть бы мне куда...
Такие злые шутки оставьте навсегда.

Отец, поняв ошибку, обнял свою жену.
Лицо увидев дочки – почувствовал вину.

– Я не шутил. Всё правда. Она с людьми была.
И поцелуй... я видел. Такие вот дела.

Молчанье на минуту.

Очнулась первой мать:
– Всё, правда, так и было? Скажи мне, Благодать.

Глядит перед собою русалочка вперёд.
Хоть буря неизбежна, когда-нибудь пройдёт.
Горячий поцелуй Ролана на устах
Всё чувствует она, и ей неведом страх.

Подплыла мама ближе и за руку взяла:
– А что с твоей туникой? Окрашена она.

– Те люди – китобои! Кит кровью всё залил.
Ты помнишь, про корабль вчера я говорил? —
Отец вмешался снова. – Как наша дочь шустра!
...Ты, видно, помогала в охоте на кита?

Не выдержала Благо:
– Ах, папа, не шути!
Напротив, кашалота хотела я спасти.
Да только опоздала...

– Зато людей спасла!

– Могла ли не помочь? Настигла их беда...

– Зачем? Они ведь гадки, жестоки, жадны, злы!

– Нет, только с курса сбиты, а в целом – как и мы:
Горюют, сострадают, друг другом дорожат,
Влюбляются, прощают, на выручку спешат.
Признать ошибку могут и от страстей сгорать...

– Тебе полдня хватило, чтоб всё это понять?

Русалка жмёт плечами:

– Похоже. Извини,
С двоими лишь знакома – не так плохи они.

– Не так плохи? Дочурка, ты веришь ли сама?
Убийцы-китобои!

– Она же – влюблена... —
Вдруг мама осознала.

– Нельзя любить людей!
Пусть даже неплохие, но чудищ нет страшней!
Хвостов в помине нету, две палочки-ноги.
Без блеска, плавников, совсем без чешуи!
Но что всего ужасней – есть пальцы на ногах!
Им так самим противно, что ходят в сапогах.
В воде жить не умеют, не могут здесь дышать.
Зато горазды девиц подводных целовать!

Русалка отвернулась:

– Мне горько и без вас! —
Не видно под водою потоки слёз из глаз.

И сжалилась тут мама: на дочке нет лица,
Зато претензий хватит на месяц у отца!

Обняла её нежно:

– Устала ты, поспи.
Уж море зажигает вечерние огни.
Сон мысли успокоит и ясность привнесёт,
Утихомирят волны твоих душевных вод.

Русалка удалилась. Родители одни.

– По поводу людей меня ты просвети.
Откуда ты всё знаешь? – отцу дивится мать.

– Немало мёртвых тел успел я повидать.

Они воюют в море друг с другом и китами,
А мы за ними трупы находим, убираем...
Видать, в спокойном мире им пребывать невмочь...
Как в одного из них могла влюбиться дочь?

Старпом вошёл в каюту.

– Ну как вы, капитан?
Я вам принёс покушать. ...Здоров ли ты, Ролан?

Молчит, не слышит будто, за картою сидит.
Одет, умыт, причёсан – благопристойный вид.
Нахмуренные брови, печальные глаза
С оттенком жгучей боли. В руках вертит резак.

– Я думаю, вам завтрак совсем не повредит.

– Спасибо за заботу. Пропал мой аппетит.

– Могу ли чем помочь я и горю пособить?

– Что ж... Выпить принеси мне. И то, во что налить.

Старпом поднос поставил на краешек стола,
Придвинул стул, сел рядом:

– Вас, вижу, грусть взяла?

Глядит угрюмо мимо, признаться не готов:
Быть должен сильным духом тот, кто разил китов.

– Людей мы потеряли, – решил помочь старпом. —
Но все опасность знали, кто с промыслом знаком.

Молчит Ролан, лишь губы сжимает всё тесней.

– Вы вовсе не виновны в гибели людей.

– Я знаю. Всё в порядке, – сквозь зубы говорит.

– Тогда каким же горем ты, мальчик мой, убит?
Тебя я знаю с детства, при мне ты возмужал,
За твёрдость воли мною был наречён Финвал¹³.
Но без следа растает и самый крепкий лёд,
Когда огонь горячий любовь в груди зажжёт...

¹³ Финвал – вид китов из семейства полосатиковых. Он является близким родственником синего кита и вторым по величине животным планеты.

Кисть дрогнула Ролана, он ножик уронил,
В старпома пожилого взгляд пристальный вонзил.

Старик тотчас же понял, что верно угадал:
– Неужто ты в русалку влюблён, мой друг Финвал?

Но трудно капитану хоть что-нибудь сказать:
Сдавило грудь тоскою – и воздух не набрать.

– Так это с ней купался обутой ты в ночи?

Не выдержал Ролан тут:
– Пожалуйста, молчи!
Не тереди мне душу! – и хлопнул по столу.

Тарелка зазвенела.

– Прости, иду ко дну...
Семнадцать лет я в море, два года – капитан,
Решительным быть, сильным, судьбою воспитан.
Я десять лет гарпунщик, охочусь на китов...
Так почему же ныне в плену стальных оков?
Я знаю, понимаю: должны мы дальше плыть.
Но с ней осталось сердце, а без него – как жить?

Вздыхнул старпом печально, затылок почесал:
– Историй про русалок немало я слышал.
Но сам одну лишь видел – девицу Благодать.
Ты прав, второй такой же на свете не сыскать.
Лицом она прекрасна, добра к нам и мила...

– Ты главного не знаешь: в тот шторм – она спасла.
Тогда бы утонул – сегодня не страдал...

– Тебе жениться надо, мой дорогой Финвал.

– Я взял бы её в жёны, но не прожить в воде!
Домой с собой увёз бы – ей плохо на земле...

– Всё верно, жить на суше не сможет Благодать.
Но там ведь есть другая, что обещала ждать.

Ролан глаза расширил и часто задышал:
– Я не люблю её!

– Любовь придёт, Финвал.
Русалочки прелестны и песни нам поют,
Но лишь с земною девой домашний есть уют.
Русалка не нажарит на ужин пирожков,

С тобой не потанцует, не носит башмачков.
Здесь выхода другого, увы, не может быть, —
Старпом вздохнул. – Ты должен русалку позабыть.
Пусть тебе непросто сей факт сейчас принять —
Ты вскоре после свадьбы забудешь Благодать.
Твоё возможно счастье, но только на земле.
Русалки ж пусть, как прежде, останутся на дне.

Болят Финвала зубы, так крепко он их сжал,
Но прав товарищ старший, прекрасно понимал.

На волнах блики солнца бриллиантами играют.
День выдался прекрасный: лазурны небеса,
Весенний ветерок меж снастей подвывает.
На барке китобойном подняты паруса.

На мостике стоит красивая фигура —

То судна молодой суровый капитан.
Хотя его душа остаться здесь тянула,
К отплытию приказ был только что отдан.

В руках, что десять лет гарпун метают с силой,
Сжимает китобой в отчаянии штурвал.
Остался бы навек с русалочкою милой,
Но рыбьего хвоста лишён Ролан Финвал.

Волос кудрявых пряди чуть ветер развевает,
Прищурены на солнце зелёные глаза.
Он смотрит вдаль и лик любимой вспоминает,
Не чувствуя, как вниз срывается слеза.

Глава 5. Нарушенное обещание

Русалочка проснулась не поздно и не рано.
Ей снилось, будто хвост был рыбий у Ролана:
Он плавал с нею рядом свободно под водой,
Счастливо улыбался и звал своей женой...

Остаться б, не проснуться, в чудесном этом сне.
Печаль разлуки горькой в грядущем будет дне.
Безрадостно, жестоко сегодня пробужденье,
Как будто бы с небес на камни скал паденье.

Глядит русалка грустно в зелёный потолок.
Рассталась бы с хвостом во имя пары ног,
Но знает, превращения – лишь в сказках и мечтах.
Хотя в воде не видно, лежит она в слезах:
К земному человеку душой прикипела,
И он в неё влюблён! Но в чешуе часть тела.
Ей не ходить по суше, не бегать по траве —
Всю жизнь в воде плескаться, жалея о судьбе...

«Ролан, мой славный, милый, зачем ты – человек?» —
Рыдает она горько. Подводный мир померк:
Здесь сумрачно, тоскливо и рыбки вместо птиц.
Кругом одни блондины, нет загорелых лиц.

В туниках изумрудных теряясь в толще вод,
Хранит свои секреты русалочий народ.
На воздух не всплывают, хоть могут там дышать,
Плывут легко, как рыбки, но жабр не видать...

Ей первый поцелуй с Роланом не забыть,
Но кто бы мог подумать, что больно так любить?

«...Зачем способность плакать, коль ты живёшь в воде?
К тому ж, в морской, солёной, на океанском дне!
Природа здесь ошиблась, – решила Благодать. —
Воды кругом – залейся, а хочется рыдать...»

На китобойном барке невесел капитан.
Но кто об этом знает? Он твёрд, как истукан.
Штурвал в руках сжимает, команды отдаёт.
Хотя душа страдает – и глазом не моргнёт.
Он сдержан: силы воли ему не занимать.
Внутри же сердцу тяжко: он любит Благодать.
Душа лишь к ней стремится, корабль – прочь плывёт,

Попробуй-ка смириться...

Тут крики:

– Кашалот!

– Чего? – старпом ответил.

– Да мы не о тебе!

Вперёд взгляни скорее! Кит плещется в воде!

В трубу мужчина смотрит: и правда, кашалот!

Сам в руки отдаётся – навстречу им плывёт.

– Финвал! Ролан!

– Я слышу...

– Готовить ли вельбот?

– Старпом, иди поближе, дружище Кашалот.

Спешит старик на мостик, взволнован, рад киту.

Лишь капитан спокоен, глядит на суету

Почти что равнодушно и терпеливо ждёт.

Он лучше всех здесь помнит, как был разбит вельбот.

Прошли всего лишь сутки, и снова в море кит...

– Я больше не гарпунщик, – старпому говорит.

– Но как? Ролан – ты лучший! Кит крупный, как вчера.

– Пусть проплывает с миром почтенная гора...

– Пустые бочки в трюме, в бой рвутся моряки.

Ведь мы на китобойце!

– Мы к смерти все близки, —

Сказал Ролан серьёзно, похлопал по плечу:

– Терять людей напрасно я больше не хочу.

Старпом умолк. Растерян. Команде что сказать?

Кит мимо проплывает, а им – лишь наблюдать?

Пыл рьяных китобоев ничем не усмиришь.

Они здесь ради доли. Попробуй, скажи «Кыш!»

Пошлют тебя подальше или поднимут бунт.

Кит каждый – это деньги, что за бортом плывут!

Понять Ролана можно: вчера чуть не погиб,

Но моряки – бесстрашны, для них бесценен кит.

Пусть шестеро погибло, глядишь, им повезёт!

Их алчность дикой силой влечёт скорей в вельбот.

Старпом всё это знает, но помнит ли Ролан?
Сказать «нет» китобоям... В уме ли капитан?
Неужто так влюбился, что разум замутнён?

– Пора бы замедляться, не то кита пройдем!

– Все гарпуны готовы.

– Команду, капитан!

– Ого, какой огромный!

– Смотри, опять фонтан!

– ...Финвал, очнись любезный, – взял за руку старпом. —
Ведь спорить бесполезно с азартным моряком!
Ты хочешь бунт? Он будет! Приди в себя, родной!
Ты сам – гарпунщик меткий, бывалый китобой!

Ролан глядит спокойно, он – непоколебим.

Старпому отвечает:

– Да, был. Но стал другим.

В отчаянии старик, уж палуба шумит!
Боятся китобои – упущен будет кит!

– Финвал, ну хватит! Честно! Отдай ты им приказ!
Не то – прощайся с местом: закроют в трюме нас!

Глядит в глаза Ролану, а в них – сомнений тень.

– Предчувствие плохое...

– Всё это – дребедень!

Нельзя идти на берег, коль бочки все пусты:

С командой рассчитаться хоть как-то мы должны!

– Ты прав. Пускай идут. Лечь в дрейф¹⁴ команду дай.
Проверь, чтоб всё нормально, но сам не уплывай.

Вздыхнул старпом от счастья. Неужто убедил?

– Ты, Кашалот, со мною.

– А кто же командир?

¹⁴ Лечь в дрейф – таким образом расположить паруса, чтобы судно и без якоря оставалось на одном месте.

– Назначь, кто пошустрее, но здесь останься сам.
Ты сердцу слишком дорог...

– Так точно, капитан.

Замедлился корабль. Вельбот спускают вниз.
Глядит Ролан вослед: «Пожалуйста, вернись».

Кит был довольно близко. Он словно ждал людей,
Которым не терпелось убить его скорей.
Он вынырнул из моря, нос, спину показал.

Старпом взошёл на мостик:
– Взгляни-ка ты, Финвал.

Подзорную трубу подал ему старик —
И содрогнулось сердце, едва сдержал он крик!
«О Боже! Невозможно! Ужели это он?!
Кит, что вчера был дважды командой поражён?
Разбив вельбот, он людям сполна уж отомстил...
Но почему же выжил? Ведь кровью всё залил!»
Дрожит рука мужчины, загар сошёл с лица:
Так вот в груди откуда предчувствие конца...

Как две больших иголки торчало из спины
Бессмертного кита – то были гарпуны.

Ролан трубу обратно помощнику отдал:
– Эх, верный мой приятель, ведь я предупреждал,
Что дело будет худо. Я чувствую беду...
Прости, смотреть нет мочи. В каюту я пойду.
Корабль проклят морем: я – в бурю смыт за борт.
То – первый знак был только. Вчера – погиб вельбот.
Кит выжил неслучайно и сам приплыл сюда:
Боюсь, покончит с нами он раз и навсегда.

Сказал слова такие и вниз спускаться стал.
Старпом же, содрогнувшись, руками сжал штурвал.

Почти у цели шлюпка. Дивятся моряки,
Что это кит вчерашний, но ставки высоки.
«Чего его бояться? Он раненый, ослаб.
Добычей станет лёгкой, не вырваться из лап».
А лапы-то когтисты: гарпун уж занесён...
Но кит под воду быстро исчез. Вот хитрый он!
Где вынырнет? Не ясно, бликует вся вода.

День солнечный и страшно, что не видна спина.

Всплыл в стороне от лодки. Стараются гребцы,
На вёсла налегают, бесспорно, молодцы.
Но кашалот под воду уходит вновь и – прочь:
Гребите, братцы, дальше! А может, вам помочь?
Огромной головою кит снизу бьёт вельбот.
Взлетает вверх лодчонка... Вцепились люди в борт.
Упал гарпунщик в воду – ему не устоять.
Другие же не знают: держаться иль нырять?
Трещит вельбота днище, он в воздухе парит и...
Плюхается в воду: пугать умеет кит!

Хоть лодка устояла, есть трещина и течь.
Их кашалот, пожалуй, хотел предостеречь:
Плывите, мол, обратно, прочь убирайте крюк,
Не то придётся сделать мне свой вчерашний трюк!

Гарпунщик влез обратно, за линь гарпун втянул,
Кивнул друзьям:
– Ну ладно, разок нас кит надул!
Но за такие шутки серьёзно накажу,
Едва всплывёт он снова – тотчас гарпун всажу!

... Старпом сей видел фокус. Силён как прежде кит:
Вокруг вельбота ходит, убраться не спешит.
«Какой же он огромный! Два гарпуна в спине...
В него б вонзить четыре, чтоб был эффект вдвойне!
Четыре... Это дело! Ещё один вельбот,
Да с двух сторон ударить – и кашалот падёт!»
Такой улов шикарный обидно упустить,
И китобоям в шлюпке без помощи не жить.

Старпом матроса кликнул, поставил за штурвал,
А сам спешит в каюту, где скрылся капитан.

– Ещё вельбот готовьте! – кричит он по пути. —
Морскому хулигану сегодня не уйти!

Ролан лежал в постели, в одежде, будто спал.
Старпом опешил даже:
– Ты что, уснул, Финвал?!
Там кит вельбот таранит, похоже, дно пробил!
Как почивать спокойно твоих хватает сил?
Гарпунщик слишком медлен, бить нужно с двух сторон!
Ещё вельбот готовлю – для нас с тобою он.
Вставай. Идём скорее!

Ролан лежит, молчит.

Старпому жутко стало:

– Людей угробит кит!

Открыл глаза мужчина, но не спешит идти:

– Я, Кашалот, не в форме. Пожалуйста, прости.

– Как так? Давай, очнись же! – тот дёрнул за сапог. —

Мой капитан знакомый бежал бы со всех ног!

А ты... Ты просто тряпка! Улёгся отдыхать?!

Как в тюфяка такого влюбилась Благодать?

Лежит мужчина молча, спокоен его взгляд,

Он словно умирает...

«Быть может, принял яд?» —

Старпом на миг подумал, но мысль отогнал:

Всегда был крепок духом его Ролан Финвал.

О чём сейчас он думал? Безмолвен почему?

Старик не знал, но верил: ещё чуть-чуть – дожму!

А в голове Ролана простая мысль была:

Он понял, что не кит, а смерть за ним пришла.

Своё не сдержит слово, когда гарпун возьмёт —

За всех китов убитых судьба предъявит счёт.

Она его решила на прочность испытать,

Пред выбором поставив: людей, кита спасать?

– Быть может, испугался наш бравый капитан?

Ему был страх неведом... Куда пропал Финвал? —

Использует помощник последний аргумент.

Спешить пора давно, не упустить момент.

«Да, это страх, дружище, – подумал капитан. —

Но может быть, и лучше вручить судьбу волнам?

Два раза уже море старалось утопить —

Русалочка спасала... Зачем теперь-то жить?

Коль с девушкой любимой мне быть не суждено,

Не испугаюсь смерти, когда пойду на дно».

– ...Один удар твой меткий – повержен будет кит! —

Старик вокруг постели отчаянно пыхтит.

Ролан вдруг усмехнулся и ласково, тепло

В глаза взглянул старпому: как с другом повезло.

– Ты слишком меня хвалишь, дружище Кашалот, —

Ответил он серьёзно. – Пусть лучше кит живёт.

Я больше не убийца. Русалке слово дал.

– А вдруг они погибнут?! Людей спасай, Финвал!
Помочь ребятам нужно, они сейчас – в беде!
Ещё шесть свежих трупов не отдадим воде!
Пока с тобой болтаю, их может... уже нет... —
Старпома голос дрогнул. – ...Каков же твой ответ?

Ролан собрал всю волю, с постели быстро встал.

– Иду, – сказал старпому, по-дружески обнял.
Косынку завязал узлом на голове:
Он снова – китобой, опять готов к войне.

– ...Приветствую, родная! Ты ночью-то спала? —
Спросил отец русалку.

И та кивнула: да.
Припухши веки были.

– Ты что же, всё ревела?
В воде солёной плакать – нормальное ли дело?

Пожала дочь плечами:
– А где же плакать мне?
По суше – не походишь, всю жизнь живу на дне...

– Но разве в море плохо? Друзья здесь и семья.

Русалочка вздохнула:
– Люблю ведь, папа, я.

– Того мужчину с суши? – нахмурился отец. —
Но ты же понимаешь, нельзя с ним под венец!

– Да, знаю... – и девица вновь горько зарыдала:
– Ах, лучше бы его я никогда не знала!

– Здесь вроде кто-то плачет? – возникла рядом мать:
Она приплыла дочку от папы защищать.
И любопытство тоже покоя не даёт:
– Что приключилось, Благо?

– Сковать бы сердце в лёд...

– Влюбилась в человека! – отец вновь возмущён. —
Но ясно же любому – в воде погибнет он!
К тому же – в китобоя! Видать, среди людей

Всяк, кто лицом пригожий – убийца и злодей!

– Он понял, что ошибся, и убивать не будет.

Отец лишь усмехнулся:

– Как можно верить людям!

Доверчива ты, дочка. На суше лжив народ.

Да и у нас бывает, что кто-нибудь приврёт.

Влюблённые мужчины горазды обещать!

Ты жизнь совсем не знаешь, малютка Благодать.

Русалочка поникла: «Ты прав, но как же быть?

Любовь в одну секунду из сердца не изжить».

– Поверить китобой! В уста поцеловать!

Ведь он – чужак двуногий! Чем смог очаровать?

– Ты снова слишком ярый, мой славный Ярослав, —

Жена сказала тихо. – Чуть хватку приослабь.

Ты видел его сам. Каков же человек?

Он зрелый или юный? Во что он был одет?

Неужто так противен, как ты язвил всегда?

Тогда чего же Благо в чудовище нашла?

С упрёком ироничным взглянул тот на жену:

– Ты стала любопытна!

– Так лучше дочь пойму.

– Тогда, Надежда, слушай, – ответил Ярослав. —

Длинноволосый парень, в косынке, кучеряв.

Мальчишкой не назвать, но видно, молодой.

С усами цвета ночи, короткой бородой.

Сложён, похоже, крепко. ... Не спрашивай цвет глаз!

Я видел ухажёра всего лишь один раз.

– Он, мамочка, не страшный, – сказала Благодать.

– А как вы повстречались, ты можешь рассказать?

Возможно ли, чтоб за день любовь огонь зажгла?

– Мы виделись с ним раньше: я жизнь ему спасла.

Во время шторма в море увидела его:

Почти что мёртв, не дышит, нет рядом никого...

Я вынесла на берег. Прокашлялся водой,

Чуть отдохнул, очнулся. Кто знал, что китобой?

А дальше вал огромный меня домой унёс,

А он... он там остался и стал героем грёз...

Умолкла грустно дочь, ресницы опустила.

Заулыбалась мама:
– Так романтично, мило.

Проникся и отец:
– Ты, доченька, добра.

– Не зря же Благодатью её я назвала!

Русалочка вздохнула: что говорить о нём,
Ведь у неё нет ног, им не бывать вдвоём...
Уплыть бы ей из дома, спокойно погрустить.
А может быть, корабль увидеть, проводить...

– Так ты его всю зиму печалилась, ждала? —
Отца вдруг осенило.

Кивнула дочка:
– Да.

– Как имя человека?

– Его зовут Ролан.
И это значит – «слава».

– Он сам тебе сказал? —
Отец был удивлён. – Со мною ты честна?
Ужели люди помнят, что значат имена?

– А разве это важно? Какое тебе дело? —
В огромном изумлении Надежда посмотрела.

– Я про других не знаю, он, очевидно, да.

– Я думал, что забыли об этом навсегда...
Так много потеряли те люди на земле,
И память хоть о чём-то приятна очень мне.

– Но ты ж их ненавидишь!

– Скорее, я жалею.
Сказать об этом, просто, нормально не умею...

Чудная перемена произошла с отцом.
Похоже, мир надводный ему слегка знаком.

– ...Так значит, с первой встречи ты влюблена в Ролана? —
С заботливой улыбкой спросила дочку мама. —

А он?

– Я спела песню – и он узнал меня.
Жаль, вместе не сложилось нам провести и дня:
Все встречи очень кратки... Я знаю, с ним не быть,
Но можно ли корабль увидеть, проводить?

В глазах русалки скорби, смиренья грустный след
Заметил Ярослав и «да» сказал в ответ.

Обнял жену:

– Надежда, я отправляюсь с ней.
Одной опасно плавать вблизи от кораблей.

– Конечно же, счастливо! Я б проводила вас,
Но солнца яркий свет болезнен мне для глаз.

День солнечный и тёплый. На палубе Ролан.

Приветствуют матросы:

– Дай жару, капитан!

Он снова твёрд, отважен, решительность в глазах,
С прямой осанкой статной, волнами на плечах
Волос иссиня-чёрных. Он грозен и суров —
Зеленоглазый воин, кошмарный сон китов.

– Вельбот спускайте за борт! На помощь поспешим!
Что начали вчера мы – сегодня завершим.

Он сильный – телом, духом, боль где-то в глубине
Им на замок закрыта. Идёт он, как во сне:
Сам до конца не верит, что столько убивал...

Подзорную трубу даёт старпом:

– Финвал,

Они уже от судна прилично отошли
За кашалотом вслед. Смотри! Фонтан вдали!

– Отчаянные парни... Хотя в вельботе течь,
Ради наживы жизнью готовы пренебречь:
Вычерпывают воду, но всё равно гребут...

– Кит ранен, есть надежда...

– Как деньги их влекут!

– Азарт в крови играет бесстрашных моряков.
Ведь мы же – китобои, а кит для нас – улов, —
Пожал старик плечами.

– Всё так, – кивнул Ролан. —
Китовый ус и ворвань...

– Готовы, капитан?

– Готов. А ты, дружище, побудь на корабле:
Коль разом все погибнем, кто отведёт к земле?

Взглянул в лицо серьёзно, помощника обнял.
Тот был совсем растерян.

– Ты не умрёшь, Финвал!

Мужчина улыбнулся, шепнул:

– Надеюсь, так!

Но если не вернусь я, веди на берег барк.
...Вы, пятеро – со мной! – команду подаёт,
И резвые матросы тотчас спешат в вельбот.

Отчаливает шлюпка. Помощник смотрит вслед.
Он плыть хотел с Финвалом, но тот ответил «нет».
Приказы капитана негоже обсуждать,
Но он дороже сына: как сердца стук унять?
Сегодня расставаться им было тяжело...

Махнул Ролан старпому и взялся за весло.

...Отец догнал русалку:

– Я поплыву с тобой.

Хоть суть имён он помнит, Ролан твой – китобой.
Его поостеречься с тобою мы должны,
Понять, насколько чувства и помыслы чисты.

Они проплыли кругом. Не видно корабля.
Всплывают на поверхность – всё бесполезно, зря.

– Уже уплыл. Так быстро... – вздохнула Благодать.

– Сегодня день хороший, мы можем погулять, —
Отец вдруг предложил и за руку взял дочь. —
Плывём, других расспросим. Внизу должны помочь.

Русалка обомлела: её ли папа это?
Обрадовалась. Вместе поплыли за советом.

Ушёл корабль утром, над городом проплыл.

– Догнать непросто будет. Не пожалеешь сил?

– Хоть издали хотела б на паруса взглянуть, —
Призналась Благодать.

– Тогда скорее, в путь!

Они поплыли рядом. Был Ярослав силён:
Хоть волосы седые, красив и молод он.
Русалку то и дело, играя, обгонял.

Отец и дочь не знали: разрыв их с барком мал.
Неведомый помощник к ним проявил заботу,
Корабль остановил. Спасибо... кашалоту.

Две лодки, кит огромный – подбитый кашалот.
Хотя не видно схватки, неравный бой идёт.
Кому-то в этой битве погибнуть суждено.
Схлестнулись кит и люди: кто зло здесь, кто добро?

Пусть моряки отважны, остры их гарпуны,
С подбитым исполином не справиться, увы.

Вес тела многотонный, манёвров арсенал —
Вельботов разрушитель пока с людьми играл.
Вчера шесть жизней разом унёс одним прыжком,
Но сам ослаб и силы берёт кит на потом.
То прятался под воду, а то, дразня, всплывал.
Один раз припугнувши, второй не нападал.

Преследуют добычу упорно моряки.
Рукой подать до цели – попробуй, догони!
Вторая шлюпка следом на выручку спешит,
И, позабыв о первой, к ней подплывает кит.

...Гребёт Ролан. Вдруг рядом – блестящая спина:
Фонтана шум и брызги. По кругу проплыла
И скрылась. Он спокоен. Гарпун брать не спешит.
Знак к остановке сделал, сказал:
– Ну, здравствуй, кит!
С тобою мы знакомы: вчера ты выжил, я.
Пусть у тебя есть сила, есть смелость у меня.

А кашалот чуть дальше вновь спину обнажил.

– Скажу тебе, приятель, ты, в целом, очень мил, —
Шептал Ролан чуть слышно, с воды глаз не сводя. —
Я был неправ, пожалуй, гарпун всадив в тебя...

В то время развернулся назад второй вельбот.

– ... Живыми оставаться с тобою нам везёт.
Но всё же, мы не вечны, приходит смертный час.
А чей – сейчас узнаем: умрёт один из нас.

Ролан гарпун взял в руки, поднялся во весь рост.

– Настал момент проститься. Позволь, скажу я тост...

Второй вельбот был близко, а кашалота – нет.
В воде одни лишь блики, хоть бы какой-то след!

Русалки в это время узрели паруса.
Обрадовалась Благо, не меньше – Ярослав.
Спешат скорей, чем раньше, окрылены мечтой,
Но солнце припекает, плыть лучше под водой.

Приблизились немного и вынырнули вновь.
Дрожь проняла русалку: «Я здесь, моя любовь!»

– Там парусник, две лодки, – прищурился отец. —
Нам повезло с тобою, догнали наконец!

– Что ищут они в море? – спросила Благодать.
В груди похолодело: уж ей ли то не знать...

Опять ушли под воду. Но только жарче там
Русалочке-бедняжке: охотится Ролан!
Он обещал – не будет, прощения просил!
Она остановилась. Плыть дальше – нету сил.

Растерян Ярослав: куда девалась прыть?
Корабль почти рядом. Совсем чуть-чуть доплыть!

– Что приключилось, дочка? Устала, может?

– Нет.

– Ты так сюда стремилась...

Лишь горький смех в ответ.

– Поверила мужчине... Ты прав, наивна я.
Он снова на охоте, хоть уверял меня,
Что бить китов не будет. Но слову изменил...
Наверное, он вовсе... меня и не любил?

– Постой. Его ты видишь? Отсюда не понять!
Быть может, там другие? Что сразу горевать?

– Он – капитан на судне, а значит, заодно!

– Проверить нужно прежде, затем – судить его.

– Но как?

– Подплыть поближе, чтоб лица различать.

«Не мой это отец», – решила Благодать.
Её бы папа строгий тут руки потирал,
Кричал: «Ага! Был прав я!», домой скорее звал.
А это кто? Не ясно. Но верно говорит:
Уплыть, не разобравшись – нельзя.

– Гляди, там кит!

Они поплыли к лодкам, скрываясь под водой,
Морского исполина обходят стороной.

– То – кашалот вчерашний! – вскричала Благодать.

– Потихе, – папа шикнул. – Нам лучше не мешать.

Взглянули над водою. Да, в шлюпке был Ролан.
Остался китобоем совравший капитан.
В руках гарпун он поднял, готовится метнуть...

Лишь миг – и прочь сомненья! Рвёт от волненья грудь.
Русалочка застыла. Стук сердца будто гром.
От страха содрогаясь, глядит она кругом.
Но не кита ей жалко, дороже человек.
Она-то его любит, он дорог ей навек.
Да, он не изменился, всё тот же китобой,
Но почему же сердцу тогда такой родной?
Непросто разобраться. Нет логики в любви.
Душа к нему стремится, а почему? Пойми!

В опасности любимый: вблизи убийца-кит.
Но губы шевелятся – он что-то говорит...
Кому? Матросам? Вряд ли. Взор в воду обращён.
Что шепчет кашалоту?

– Он хочет быть прощён, —
Вдруг Ярослав промолвил, за плечи дочь обняв. —
Слов громче его мысли.

– Но ведь гарпун в руках!

– Смотри, ты всё узнаешь. Немного погоди.

– Но папа, если кит... опять их победит?
Вчера разбил он лодку и раздавил людей.
Я видела... Ролан!

– Сыскать ли где храбрей...

На море два вельбота, гарпунщики готовы.

Ушёл под воду кит, готовит трюк суровый...

Подзорную трубу дрожащею рукой
Старпом у глаза держит:

– Ты справишься, родной!

Глядит Ролан на воду и кашалота ждёт,
Гарпун в руках сжимает, речь тихую ведёт:
– Прости, напал я первым, в тебя гарпун вонзил.
Но прошлое исправить – моих на то нет сил.
Ты отомстил жестоко – шесть жизней взял взачёт...
Никто в моей команде сегодня не умрёт!

Под шлюпкой капитана скользнула вроде тень.

Старпом её заметил и шепчет:

– Тише... Бей!

Ролан кита не видит, слезятся уж глаза:

Совсем ослеп от бликов. Расслабиться нельзя...

Притихли люди в шлюпках, глядят по сторонам:

Неужто вовсе скрылся?

Вдруг крики:

– Капитан!

– Он впереди, быстрее!

– На вёсла налегай!

– Живей, братцы, живее!

– Гарпунщик, не зевай!

Финвал кита увидел, скорее поморгал,
Вскричал:

– Быстрее гребите!

Гарпун удобней взял.

Стараются матросы, семь метров до кита...

Старпом, в трубу вцепившись:

– Давай, мой мальчик... Да!

Ещё один взмах вёсел...

– Прости, приятель кит!

Ролан гарпун бросает. Он в воздухе скользит...

Вонзился в кашалота! За ним – тотчас другой,

С соседнего вельбота. Кит скрылся под водой.

Ролан, не отдыхая, второй гарпун схватил,

Швырнул киту вдогонку. Не видя – поразил.

– Попал! – старпом ликует. – Не дрогнула рука!

Хоть сердце трепетало – сноровка велика.

– ...Он снова убивает, хотя мне слово дал, —

Русалочка вздыхает.

– Постой. То – не финал.

...Где кашалот? Не видно. Линь с жаром засвистел.

Ролан, свой долг исполнив, к веслу обратно сел.

Вторая шлюпка рядом, довольны люди в ней:

– Пусть знает, чего стоим! Всплывай, кит, поскорей!

Лишь капитан серьёзен и напряжённо ждёт.

Под воду лить уходит: в глубинах кашалот...

Что в этот раз задумал? Остановился лить.

Кит, стало быть, всплывает...

Кричит Ролан:

– Гребите!

Табань¹⁵!! Живей, ребята!

– Куда?

– Подальше, прочь!

¹⁵ Табань – команда грести распашными веслами против обычного хода, чтобы шлюпка двигалась кормой вперёд.

Расходятся две шлюпки.

– ...Ах, если б им помочь, —
Тревожно посмотрела русалка на отца.

– Ничем не усмиришь подбитого бойца.
Он в гневе беспощаден. Нам людям не помочь... —
И Ярослав покрепче в объятьях стиснул дочь.

Тут с брызгами и шумом кит выпрыгнул из вод
И... всё же зацепил собой один вельбот.

Перепугались люди, взлетая за китом:
Кто намертво вцепился, а кто-то за бортом...
Их шлюпка вертикально зависла над водой.
Посыпались вниз копья, свистят над головой
Упавших в океан, их незавиден рок...
А следом – люди, лодка... Храни несчастных Бог!

– Вперёд, скорей! Гребите! – командует Ролан.
Схватив копьё, в гиганта метает капитан.

Успел. Попал! Воткнулось! Уходит в воду кит.
Пять гарпунов-трофеев уже в спине торчит.
Из свежих ран потоки, кровь алая течёт...

– Табань! Уходит в море! Затянет наш вельбот!
Ребята, поднажмите! – гребцам Финвал кричит. —
Ни жизни не получит сегодня жадный кит!

Да, быть гребцом в вельботе – работа не проста:
Вперёд, табань, быстрее...

– Поберегись кита!

Могучий хвост взлетает...

– Пожалуйста, не бей, —
Гарпунщик умоляет. – Жизнь сохрани людей!

Вельбот, что опрокинут, так близко от хвоста...
А рядом – китобой, кого судьба спасла.

Но кит сердит: ударил... Взрыв брызг, водоворот,
И не понять, где люди, разбит ли, цел вельбот...

– Злодей! – старпом воскликнул. – Убей его, Ролан!

Однако подождите... Где сам-то капитан?

Вода бурлит волнами, как щепка в ней вельбот.
Ролан – людей спасает: берёт к себе на борт.
При помощи матросов уже троих втащил.
Глядит, где остальные? Кит всё-таки убил?

Ещё один несчастный закашлял вдруг в воде.
Но тут... Линь натянулся. Гарпунщик сам в беде.
Кричит:
– Линь! Осторожно! Сам – на борту висит:
На помощь руку тянет.

Тут лодку дёрнул кит.

– На выручку к ним, папа! Довольно просто ждать!

А Ярослав подумал: «Чтоб я – людей спасти?»,
Но вслух сказал русалке:
– Права ты, дочь моя! Поможем тем, кто ранен,
Доплыть до корабля.

Ролан из шлюпки выпал, но держится за борт,
А та в кровавых волнах всё ускоряет ход...

– Вас, капитан, не бросим! – сказали моряки,
И подняли Финвала три сильные руки.

Так вовремя! От боли бушует кит, всё злей.
Готов разбить десяток вельботов, кораблей.
Но силы покидают, кровь хлыщет, как фонтан,
Из раны от копья. Ох, меткий же Ролан!

В бурлящей красной пене несётся шлюпка вслед.

– Не убегай, приятель, спасу тебя от бед, —
Сказал Финвал серьёзно подбитому киту. —
Твои облегчу муки – в последний раз проткну.

Был странным почему-то сегодня капитан:
Под нос почти всё время чего-то бормотал.
Заметили матросы – задумчив он слегка.
Но, так же, как и прежде, точна его рука.
По-прежнему он быстрый, внимателен, силен,
Заботится, спасает – команде предан он.

...Уже на издыхании подбитый кашалот,
Рвёт раны гарпунами прицепленный вельбот.
Почти что обескровлен, измотан, чуть живой.

– Ты духом – сильный воин. Похожи мы с тобой, —
Ролан промолвил грустно. – Убийцы оба мы,
Хоть в собственные жизни безумно влюблены...

Замедлилось движенье.

– Что ж, кончен отдых наш.
Ещё чуть-чуть осталось. За вёсла, экипаж!

Кита догнали люди: он выдохся, устал.
Бока – в потёках крови. Поморщился Финвал.
Поднял в руках острогу¹⁶, на дыхало глядит:
Пока что жертва дышит. Замах... Удар! Убит.

Так жутко наконечник в живую плоть вгонять...
Ролан дрожит, он бледен – как страшно убивать...

В конвульсиях тряслось истыканное тело.
Молчали моряки – окончено их дело.
Из дыхала последний фонтан кровавый взмыл
И лица китобоев собою окропил.

– Прости, – Ролан промолвил. – Я смерти не желал.
Я – капитан на судне, своих людей спасал.

¹⁶ Острога – метательное орудие китобоя, разновидность копья.

Глава 6. Ролан Финвал

Плыла обратно лодка, кита тянула вслед.
Ролан был неподвижен. Лица на бедном нет...

– Нам нужно возвращаться, поплыли, Благодать.
Что будут делать дальше – тебе лучше не знать.

– Домой... Уже так скоро?

– Есть дело у людей: освеживать гиганта
Им нужно поскорей. То зрелище, поверь мне,
Не для девичьих глаз. Раз довелось увидеть.

– Он не заметил нас...

– Ролан? Ему же лучше. Нешуточный был бой.
Отвлёкся б хоть на миг – лежал бы под водой
Без пульса, бездыханный... И то, коль повезёт.
А нет – его бы слопал громила кашалот!

– Да, знаю. Просто грустно...

Отец её обнял:

– Как человек не плох он, но всё же, не русал...

Пал под рукой Ролана коварный кашалот.
На китобойном барке раздел кита идёт.
При деле китобой, мясник любой матрос,
Срезают сало с туши в виде больших полос.
Труп к борту пришвартован, одна лишь голова
На палубу поднята, за спермацет¹⁷ ценна.

Все трудятся на судне не покладая рук:
Кто держит, кто-то режет, кто поднимает крюк.
Один лишь человек остался в стороне,
Закрылся, не выходит, ведь кровь на корабле
Сейчас почти повсюду: на палубе, бортах...
Поют матросы песню, свой заглушая страх.

В каюте капитанской Ролан опять один.
Хоть в схватке с кашалотом он был непобедим,

¹⁷ Спермацет – воскоподобное белое вещество, добываемое из особого мешка в голове кашалота, животный воск. Ранее использовался для изготовления свеч и как смазочный материал, ныне применяется в косметической промышленности как основа для кремов и мазей.

Невидимый враг в горло ему клыки вонзает.
Пульс есть, но китобой разбит. Он умирает.
Он чувствует, несчастный, что не кита убил,
А собственное сердце острогою пронзил.
Дрожат всё так же руки, не радуется улов.
Дух сломлен, воли – нету, расплакаться готов.
Лет десять хладнокровно китов мужчина бил,
Но смерть не понимал он, пока не полюбил...

Окончена работа. Всем можно отдохнуть.
Кок ужин приготовил, и повод есть гульнуть.
Улов сегодня знатный: повержен кашалот,
Сгубивший шестерых. Пир праздничный идёт.

Накрытый стол, все в сборе.

– А где же капитан? —
Команда спросила. – Когда он выйдет к нам?

Старпом пожал плечами:

– Наверное, устал...

Ведь он сидел на вёслах, потом гарпун бросал.

– Он делал это раньше. Куда пропал сейчас?

– Хотим сказать спасибо: могло не быть здесь нас.

– Да, подоспел он кстати!

– Отпразднуем улов!

Старпом, стыдясь, промямлил:

– Он, вроде... нездоров.

– Ты видел бы, приятель, как он копьё метал!

Разрыв-то был приличный! Силён Ролан Финвал.

– Ты говоришь, он болен? Не может это быть!

– Ещё скажи, уснул он. Хорош, кончай юлить!

– Давай, зови живее! Не то я сам пойду, —

Сказал детина рослый, – и дверь с петель сниму.

Все дружно засмеялись, помощник – побледнел.

– Ну, правда, позови же. Пусть с нами бы поел!

Старик поднялся с места.

– Хотите – позову.
Но сильно не надейтесь, беритесь за еду.

Старпом стучит к Ролану:
– Ты, друг, меня прости,
Но всё-таки команду вниманием почти!
Войду к тебе я, можно?

– Что хочешь? Я устал.

– Команда тебя просит. Пожалуйста, Финвал.

– Что нужно им?

– Вниманье!

– Ей-богу, малышня...
Я что же им – папаша?

– Ну как же без тебя?

– Войди, я плохо слышу. Вода ещё в ушах.

Старпом дверь открывает: Ролан – словно монах.
Весь в чёрное одетый стоит возле стены.
Где волосы? Все сбриты. Остались лишь усы.
Пропала борода – бела в том месте кожа.
Он сильно изменился: гораздо стал моложе.
Во взгляде же печаль десятков многих лет...

– Мой капитан... То – вы ли?

Ролан ответил:

– Нет.

Старпом подходит ближе и гладит по плечу:
– Финвал, открой мне сердце. Помочь тебе хочу.

Мужчина не ответил, как статуя застыл.
Кровь на щеке – порезан, неаккуратно брил.
Глаза блестят, слезятся. Вид жалкий, не узнать.
Весь череп исцарапан, осталась сзади прядь.

– Где кудри твои, мальчик?

– Ты видишь, я другой.

Я новый, изменился.

– Стряслось-то что с тобой?

– Киты остались в прошлом. Исполнил, что просил.
Теперь идём на берег. Быть в море – нету сил.
От крови не отмыться... Сбрил волосы свои.
Мне б заново родиться... Прошу тебя, уйди.

– Зовёт тебя команда, – пробормотал старпом. —
Таким как выйдешь к людям? Хоть повяжись платком!

– Кому мне красоваться? Здесь все мы – мужики.
Убийцы-китобои, злодеи, мясники!
Вчера лишь я очнулся и понял чем живу.
В кровищи наше судно, аж муторно нутру...

– Да, дело не из лёгких, тяжёл, рискован труд...

– Ради добычи трупа как мухи люди мрут, —
Сказал Ролан печально и слёзы проглотил. —
Один кит – шесть погибших... Двенадцать бы убил
Сегодня он вдогонку – успели отойти.
Разнёс в прах два вельбота... Я виноват. Прости.

Он стёр ладонью слёзы.

– Я слаб, течёт вода...
Прошу, о том что видел, забудь раз навсегда.

Старпом кивнул:

– Конечно. Ведь ты же – не стальной.
Расслабься, коли нужно, побудь самим собой.

Ролан сжал его локоть:

– Я б без тебя пропал... —
Во взгляде благодарность.

– Ты справишься, Финвал.
Второй вельбот потерян, но люди спасены.
Ты сделал всё, что мог – откуда груз вины?

– Я сам не понимаю, но что-то тяготит.
Вся жизнь перевернулась... Опять в носу свербит...

– Боялся, что умрёшь ты, но видишь сам – живой!

– Иллюзия. Погиб я...

– Ролан, да что с тобой?!
Горюешь по русалке?

– Нет, на другой женюсь.
Всю жизнь несчастлив буду, до старости сопьюсь... —
Он замолчал, вдох сделал, ресницы опустил.

Помощник растерялся.

– ...О чём ты там просил? —
Ролан внезапно вспомнил, свой вытирая нос.

– Поужинать с командой.

– Но я теперь без косм...

– Возьми платок.

– В крови он, кит брызгами обдал.
А в шляпе – неприлично.

– Свою косынку дам.

Старпом ушёл на время.

Ролан потёр лицо:
Идти к команде нужно, хотя и тяжело.

– Ну, здравствуйте, ребята. Просили вы меня?

– Конечно, заждались. Не видели... полдня.

И тишина. Кто это? Застыли моряки.
Лишь ложка зазвенела, вдруг выпав из руки.
Знакомая фигура, привычный голос, рост,
Но где же капитан? Что это за матрос?
Узнать Ролана трудно – юнец без бороды!
Нет локонов, что были из-под платка видны.

Остановился, замер, всех взглядом обошёл.

Сказал:

– Вот я, явился. Садимся же за стол.

Притихли китобои, расселись по местам.

– Помянем прежде павших, – поднял стакан Ролан. —
За шестерых погибших друзей и моряков,
Что жизнью не жалея шли с нами на китов...

На ужине с командой Ролан почти не ел.
Сквозь дно стакана грустно на моряков смотрел.
И думал, горемыка, как он попал сюда,
Зачем с русалкой юной его свела судьба,
Как стал он китобоем, учился убивать...

Старпом подсел поближе.

– Пора тебе в кровать.

Ролан взглянул сердито:

– Забыл, кто капитан?

Тебе я не ребёнок. Наполни мне стакан.

Старик плеснул две капли.

– Побольше, я подрос.

Давно уже не юнга и даже не матрос!

Налей по-капитански! Ну, то есть... больше всех, —

И шутка породила дурацкий нервный смех.

Послушался помощник, качая головой:

– Финвал, не верю, ты ли? Что делаешь с собой?

Побритый, безбородый ты людям не знаком,

Хотя прикрыл макушку потрёпанным платком.

Но главное, дружище, никто ведь не видал

За рюмкой капитана! Всегда был трезв Финвал.

Тот перестал смеяться, стакан опустошил.

– Пай-мальчиком, пожалуй, я слишком долго был.

Пришла пора меняться. Подлей мне, не скупись.

– Прощу, идём в каюту. Угробишь свою жизнь!

Ролан вновь рассмеялся:

– Ты сам сюда привёл!

Забыл уже ты, старый, кто усадил за стол?

Коли пришёл, останусь! Не смей учить меня.

Я не могу быть трезвым в конце такого дня... —

Он резко посерьёзнул: – Мне плохо... Извини.

– Тогда уйдём отсюда, поговорим одни!

Ролан стакан сжал крепко, мотает головой,

В подпитии вернулся характер волевой.

– Довольно разговоров! От них лишь тяжелей...
Решим проблему проще. Давай, ещё налей!

Старпом не знал что делать, об ужине забыл.
Подростка видел рядом, и тот безбожно пил:
Добавки не дождавшись, он взял стакан чужой.
Хозяин поперхнулся от наглости такой.

Ролан взглянул на рюмку и тяжело вздохнул:
Уже не лезет в глотку – а он всё не уснул...

Старик его жалеет, обидно так, хоть плачь:
Совсем рехнулся, бедный, стал сам себе палач.
Обнял старпом за плечи – тот руку оттолкнул,
Понюхал то, что в рюмке, поморщился, чихнул.

– Финвал, ты не пропойца. Зачем так много пьёшь?
Поверь, на дне стакана ответы не найдёшь!

– Мне не нужны ответы! Мне нужно забытьё...
Фу... До чего же мерзко на вкус твоё питьё!

Он отодвинул рюмку, соседу возвратил.

– Отвратнейшая гадость!

– Зачем тогда схватил? —
Тот рявкнул недовольно. – Вы – странный, капитан!

– Не ваше дело, сударь! ...Старпом, где мой стакан?

– Опять?!

– Воды налей мне.

– Побольше?

– Нет, на дно!

– Шучу я. Извините.

– Мне, в целом, всё равно...
Всё... Больше пить не буду. Дай, посижу чуть-чуть, —
Обнял себя руками: сдавило болью грудь.

...А за столом в то время шёл разговор о том,
Как ловко китобой разделались с китом.
Но сами пострадали: парнишка молодой
Вернулся на корабль со сломанной рукой.

– Как ты доплыл до барка? – дивились моряки. —
Ведь с травмою такой никак не мог грести!

– Не знаю что ответить. Поверите ли мне?
Я... девою спасён. Иначе – быть на дне!

– Какою? Пресвятой?

– Не думаю, друзья.
Реальною, морской... В воде нашла меня,
На воздух подняла, под мышки подхватила
И, за спиной скрываясь, со мной сюда поплыла.

– Лицо её ты видел?

– Лишь мельком.

– Хороша?

– Светла, нежна, как ангел...

– Русалочка она!

Ролан, почти дремавший, очнулся в тот же миг.

– Русалок не бывает! – вскричал один мужик.

– Я тоже её видел! – сказал седой матрос. —
И даже рассмотрел в воде блестящий хвост!

– И я русалку видел, но это был мужик! —
Ещё один признался.

Такой поднялся крик!
Одни кричат: «Мужчина!», другие: «Нет, девица!»

Зато Ролан всё понял и... вновь решил напиться.
Была его здесь дева и даже не одна!
А он её не видел – вот горькая судьба!
С разбитого вельбота троих в тот день спасли
Русалочка с отцом. Но он... он был вдали:
Преследовал кита, острогою пронзал...
За волосы б схватиться, но срезал их Финвал.

– Мне плохо. Как мне плохо... Зачем не утонул... —
Стонал он еле слышно.

Водички отхлебнул.

– Не то... Налей покрепче! Кружится голова...

Старпом поднялся с места:

– Ну всё, мой друг, пора.

Наш капитан уж сытый. Давай-ка, помоги, —
К матросу обратился. – Возьмём под две руки.

Ролан не упирался.

– Не надо. Сам могу.

Он встал и пошатнулся.

– Штормит на берегу! —

И с горькою ухмылкой он старика обнял.

– Я сам с ним справлюсь, сядь. ... Не завались, Финвал.

Но тот в своих был мыслях:

– Спасла их Благодать!

– Да, так, – старпом ответил. – Тебе же – время спать.

– ... На палубу. Скорее! Как душно здесь...

– Пошли.

– Скажи, зачем волнами качает корабли?

– То не морская качка, а кто-то перебрал!

– Ты обо мне?

– Конечно.

Тут замер вдруг Финвал.

Вся палуба при свете дежурных фонарей
Бордовой казалась. Ведь кровь была на ней.

– Вы что же не прибрались? – пробормотал Ролан. —
Неужто по кровищи ходить приятно вам?

Старпом развёл рукою:

– Дел много. Ночь пришла.

Помоем ранним утром.

– Да, будет пусть бела...

Ролан слегка качался. Старпом его держал.

– Что ж ты себя позоришь, мой дорогой Финвал...

Тот пробурчал чего-то, под ноги посмотрел —
От крови замутило, к тому ж, почти не ел.

– Мне плохо...

– Да, я знаю. Ты это говорил.

– Старик, тошнит...

– Ах, Боже! Ты тело отравил!
Сюда. Нагнись же за борт. Держись, не упади.
...О чёрт! Ты прав, отвратно топтаться по крови.

Он посмотрел по кругу. Луны сегодня нет,
Вода – чернее сажи, от фонарей лишь свет.

– ...Ролан, ты как?

– Ужасно... Ещё не всё! ...Прости.
Я сам себе противен. Не жди меня, иди.

– В беде не брошу друга. Хоть он мне не внимал!

– Ох... в море... там... русалка! —
Пробормотал Ролан.

– Ну вот, ещё и бредит! Несчастный человек...

– Я, правда, её видел!

– От фонаря там свет.

Старпом всмотрелся в воду.

– Не вижу, извини.
Допился до русалок! Бликуют лишь огни.
Просил, не пей, не надо! Упёрся, как баран!
...Чуток полегче стало?

Кивает капитан.

– Ты истязаяешь тело и разум отравил!
Коль всё, пошли в каюту. Поспишь, добудешь сил.

Ролан смотрел на море.

– Нет. Не свихнулся я.
На барк она глядела, русалочка моя... —
Он сжал руками череп, косынку тербит.
Повыдергать бы космы, да наголо побрит. —
А я... До смерти стыдно!

– Если в воде кто был,
Твой номер неприглядный, пожалуй, впечатлил!

Финвал присел, весь сжался:
– Какой я идиот!

Старик лишь усмехнулся и выглянул за борт.
А там... Кто б мог поверить! Девичья голова!
Ролан не бредит вовсе, их видела она.
Заметила старпома и скрылась под водой.
Тот взял фонарь, вернулся, поднял над головой.

Молчало море. Пусто. Русалку не видать.
Но свет огня сквозь воду узрела Благодать.
Чуть выглянула робко: мужчина ей знаком!
Обрадовалась Благо:
– Ой, дядюшка старпом!
Ролан... Он спит? Скажите. ...Вы помните меня?

– Конечно, дорогая. Прошло чуть больше дня.

Финвал, сидевший рядом, услышал голоса.
Прижался к борту, замер. На пол-лица глаза:
Досада, горе, счастье – к ней хочется лететь,
Но облик столь презренный – лишь со стыда сгореть.

Старпом глядит на друга. Тот за ногу схватил,
А что сказать – не знает, и рот открыть нет сил.

Вздыхнул старик печально, вновь за борт посмотрел:
– Он, верно, отдыхает. За ужин... переел.

Русалка огорчилась, задумчиво молчит.
Ролана – жутко жалко: такой несчастный вид.

– Ты не горюй, дружище.

– Что делать, Кашалот?!

– Спокойно, всё в порядке. Она тебя зовёт,
А значит, не признала, кто через борт висел.
Сам как?

– Немного лучше.

– Со страху протрезвел?
Тогда иди и выпипись. Скажу, что ты устал.
Пусть приплывает завтра.

– О нет! – шепнул Финвал. —
Её все обсуждают за добрые дела.
Она себя раскрыла, когда людей спасла.
При свете дня опасно! Нельзя так рисковать:
Заметит кто, поймает, обидит Благодать?
Вельбот скорее за борт мне помощи спустить.
Увидеться нам нужно сейчас. Поговорить.

– Собрался на свиданье? Не лучший час нашёл!
Пусть окривеет рожей кто звал тебя за стол...

– Её увидеть нужно! Пойдём спускать вельбот.

– Ещё чего! Утонешь!

– Тогда нырну за борт!

– Прощай навек, дружище. Пойдёт на дно твой труп.
Над внешностью своей какой проделал труд!
Русалка не узнает, подальше уплывёт!

– Прошу, – Ролан упёрся, – дай мне один вельбот.

Он с палубы поднялся. Нет твёрдости в ногах.
Да, плавать не под силу, помощник в этом прав.

– Хочу её увидеть! – почти молил Ролан.
В глазах стоял готовый пролиться океан.

– Зачем? Ведь ты же пьяный! А в зеркало – видал?

– Ах, что же я наделал! – несчастный зарыдал.
Невыносимо горько: он сам себя сгубил.
Любимая так близко! Увидеть – нету сил!
И внешность неказиста: измотан, пьян, побрит.
«Тебе проспать нужно!» – мужчине ум твердит.
А сердце бьётся быстро, к русалочке зовёт,
Хоть глуп и безрассуден такой ночной поход.

– Старпом! – зовёт русалка.

Тот выглянул:

– Чего?

Стесняясь, дева просит:

– Увижу ли его?

– Ты обожди немного. Схожу к нему сейчас.

Русалка улыбнулась:

– Благодарю я вас!

Старик вздохнул. Похоже, что ночью не поспать:

На шее тяжким грузом Ролан и Благодать.

Один – совсем слаб духом, но подавай вельбот,

И девушке не спится – надеется да ждёт.

Старпом стоял угрюмо, всё думал, как же быть?

И осенило: проще убогих разлюбить!

Какой Ролан «красивый» увидит пусть она —

Любовная проблема вмиг будет решена!

Пусть вспыхнет отвращенье, смягчит разлуки боль.

Ведь вместе не бывать им – расклад один, простой.

Немного погорюют, но молоды они —

Найдут другие пары, наступят счастья дни.

«Отличное решение! – подумал Кашалот. —

В своей стихии каждый пусть счастливо живёт».

– Финвал, не сокрушайся, гони долой кручину!

Я горю помогу, – окликнул он мужчину. —

Коль не прожить без шлюпки, пожалуйста, бери!

Да только прежде сопли с усов своих сотри!

Мужик ты или девка? Поди, забыл уж сам?

А ну-ка, соберитесь, любезный капитан!

Ролан очнулся, замер, глаза горят опять.

– Ты, правда, мне можешь?

– Не веришь – иди спать!

Сжал капитан в объятьях старпома от души.

Но тот его отбросил:

– Умыться поспеши!

Да поменяй рубашку – ты к девушке плывёшь!

Одет хоть будь прилично. Во всём другом – хорош...

Ролан на крыльях счастья отправился в полёт:

В каюту и обратно – русалка его ждёт!

Хотя пустой желудок, хмельная голова —

Не пропустил бедняга ни одного угла.

Жаль друга старику, он грустно смотрит вслед:
Героя алкоголь лишил его побед.
Страдает как подросток влюблённый капитан.
Вздыхнул старпом с улыбкой:
– Эх ты, Ролан Финвал...

Вельбот опущен в море.

– Фонарь-то не забудь! – подал старик Ролану. —
Пусть светлым будет путь.

Тот сел, фонарь поставил и в темноту гребёт.

«Я вечно буду проклят, – подумал Кашалот, —
Если несчастный парень, наш славный капитан,
Потонет, не вернётся... Хотя русалка там:
Из бед всех выручает, в Ролана влюблена...
Но он же – пьяный, лысый! Что сделает она?
Надеюсь, не утопит? – старпом похолодел. —
Вот старый пёс! Как это я сразу проглядел?!»
Затрепетало сердце, колени всё слабей.
Вдохнул, себе внушает: «Будь, Кашалот, сильнее!»
Спать не пошёл, остался, глядит на огонёк,
А тот в ночи тускнеет: вельбот уже далёк.
На бочку сел у борта, почувствовал – устал.

– Нет-нет, я спать не буду! – сказал. И задремал.

Глава 7. Двое в вельботе

Темна сегодня ночь. Скользит в воде вельбот.
Не за китом, к русалке на этот раз плывёт.
Она его заждалась давно в тиши ночной.
Вот только незнакомый был в лодке китобой.

Тревожится русалка, боится подплывать:
Всю жизнь людьми стращали её отец и мать.
Она ждала Ролана, а это кто таков?
На китобойном судне хватает мужиков!
Попробуй, догадайся, у них что на уме
Глубокой тёмной ночью...

«Но что же делать мне?
Ролан, куда пропал ты?» – гадает Благодать.
Что это он и есть, бедняжке не понять.
Ждёт девушка напрасно, но больше никого.
Приблизиться же к лодке решиться тяжело.

Гребёт Ролан неспешно сквозь непроглядный мрак.
Фонарь у носа шлюпки сияет как маяк.
Дрожит в воде тревожно огня полночный свет.
Финвалу беспокойно: русалочки всё нет.
Не дождалась, быть может, уплыла Благодать?
Или родитель строгий решил её забрать?

Ролан остановился. От барка далеко,
Плыть дальше смысла нет. Он положил весло.
Кружится голова: ещё немного пьян
За ужином рискнувший здоровьем капитан.
Сидит печальный в лодке, уже успел понять,
Что облик его новый пугает Благодать.
Не чаял новой встречи и голову обрил!
Он сам себя свиданья с возлюбленной лишил.

Увидела русалка: остановилась лодка.
Так кто же тот моряк? Плывёт к вельботу робко.
Приблизилась немного, взглянула над водой.
На плеск вдруг обернулся мужчина молодой:
Как у Ролана брови, а в остальном – не он.
Кого же поздней ночью к ней снарядил старпом?

Лик светлый над волнами заметил капитан
И крикнул:
– Благодать!

– Ох, батюшки... Ролан?!

С волнением два сердца свой ускоряют ход,
Как будто этой встречи не день ждали, а год!

Русалка возле лодки. Взялась за край борта.
Ах, до чего прелестна! Не меркнет красота
Морской добрейшей девы при свете фонаря.
Ролан вновь очарован:
– Желанная моя...

Небесно-голубые бездонные глаза,
А по щекам слезами бежит с волос вода.
Изогнутые брови, слегка курносый нос.
На голове причёска – хитросплетенье кос.

Глядит в лицо мужчине: о да, его глаза!

– Прости, я не узнала, – призналась тут она.

Финвал смутился очень и головой поник:
– Что делать... Я и сам таким быть не привык.

Девицу новый облик Ролана удивил,
Совсем казался юным, хотя усы не сбрил.
Лоб, щёки загорелы, прямой красивый нос,
А подбородок белый и гладкий, без волос.
Где волны чёрных прядей, лежавших на плечах?
Русалочке тревожно, вползает в сердце страх.
Зачем он это сделал, так внешность изменил?
Ведь был таким красивым... Но и сейчас ей мил.

– Ещё сегодня днём ты был... совсем другой.

Тот помолчал, вздохнул, лицо прикрыл рукой.
Печальный, странный, робкий был нынче капитан.

Волнуется русалка:
– Случилось что, Ролан?

Не может тот ответить. Не подобрать слова.

– Прости, если напрасно сегодня приплыла.
Я вижу, ты измотан, день долгим, тяжким был.
Как глупо, что я здесь! Лишу последних сил...

– Нет-нет! Душа моя, не ускользай опять! —

Он поднимает взор: – Со мною рядом сядь?

Отчаяньем глаза влюблённого горят,
Без слов «Спаси меня!» русалке говорят.

Она не удивилась, кивнула головой,
И протянул к ней руки усталый китобой.
Он взял её под мышки и в лодку сесть помог:
Ведь нелегко забраться, коль нет в помине ног.
Немного пошатнулся, чуть в воду не упал,
Но, к счастью, удержался.

– Прости, коль напугал.

Русалочка со страха за шею обняла,
Но, в шлюпке оказавшись, разжать рук не смогла:
– Хотя ты изменился почти невероятно,
Всё так же обнимать тебя, Ролан, приятно... —
Ресницы опустила, неловко ей сейчас.

Молчит мужчина, замер, с неё не сводит глаз.

Морской волны туника и серебристый хвост,
В копне волос узоры из заплетённых кос,
Смущённая улыбка и капли на ресницах —
Смотреть бы целый век и счастьем не упиться!
Уста мечтают деву скорей поцеловать,
Но стыдно... Он нетрезв. Боится и обнять.
С волос её, туники морской воды поток
Стекает на дно шлюпки у самых его ног.
Тончайшая одежда так к телу прилегает,
Что бедный капитан забылся, не моргает.
От рук русалки нежных, лежащих на плечах,
То жаром накрывает, то дрожь и дикий страх.
Промок его рубашки короткий воротник:
От пота ли, воды – и сам он не постиг.
Идёт от Благодати приятное тепло.
Как жаль, что не ему достанется оно —
Подводному русалу с чешуйчатым хвостом,
Каким ему не стать ни ныне, ни потом.
И горько от досады... Страх, ревность и любовь
Влюблённого Финвала сейчас волнуют кровь.
Любимая близка, но так недостижима —
Корабль желанный порт проплыть обязан мимо.
Жестокая ошибка! Напутала судьба:
Полгода ему снится она. Она одна!

Так много мыслей, чувств в один момент накрыло.

– Скажи, что приключилось? – вновь девушка спросила
И робко заглянула влюблённому в глаза:
– Знакомы мне усы, а где же борода?

Ролан не смог ответить, но беспокоен взгляд.
Что сбрито в тот же день не возвратишь назад.
Задумчив, молчалив сегодня китобой.

– Позволишь, я сниму платочек старый твой?

– Да, – выдохнул мужчина. – Мне нечего скрывать.

И узел развязала тотчас же Благодать.

Финвал тревожно замер, боится сделать вдох.
Сползает с головы истёршийся платок.

Глазам не верит дева, ладонью провела:
Мягка как бархат кожа, гладка, нежна, бела...
Одни воспоминанья остались от волос,
Да сеть царапин мелких, что лезвием нанёс.

– Где кудри твои, милый? Что сделал ты с собой?

– Мне нужно это было, – промолвил китобой. —
Я вместе с волосами сбрил груз прошедших лет.
...Тебе я неприятен?

– Ну что ты, свет мой, нет! —
И, голову мужчины склоняя, Благодать
Целует его в темя: – Так слаще целовать!
Ты для меня прекрасен, с кудрями и без них,
Моряк мой ненаглядный... Поэтому ты тих?
Ты внешности стеснялся? Не надо, не грусти, —
Обняв, целует в щёку.

Сказал Ролан:

– Прости.
Я знаю, была рядом, когда убил кита,
И очень благодарен, что ты людей спасла.

Разжала руки дева:

– Мы были там с отцом,
Их вместе выручали. ...Ведь он тебе знаком?

Кивнул мужчина.

– Благо, как вас благодарить?

– Ты знаешь сам прекрасно: с природою дружить.
Оставь китов в покое, они ведь жить хотят!
Коль в них гарпун не бросишь – они не навредят.

– Да, понял уже это и смерти не желал...

– Прощения просил ты, когда гарпун метал, —
Закончила русалка. – Ты справишься, Ролан.
Будь верен обещанью – тогда и океан
Простит тебе убийства. Повторно не греши!
Зачем тебе оковы, страдания души?
Ты вместе с волосами связь с прошлым оборвал.
Будь славным человеком. Ведь ты такой, Ролан.

Мужчина прослезился: так девушка добра!
Тяжёлый камень с сердца в единый миг сняла.

Уверенно сказал ей:
– Не китобой я боле.
Вернусь на материк.

– В последний раз с тобою...

Русалка погрузилась, прекрасные глаза
Наполнились водой, скользнула вниз слеза.

– Я не хотел расстроить, – пробормотал Ролан. —
Но это так... Что делать? ...Ответь мне, Океан! —
К воде он обратился и на ноги встал вдруг.
Они уж были крепче. Он посмотрел вокруг:
– Скажи, большой, могучий, как я могу уплыть?!
Ведь сердце твою дочку всегда будет любить!
Я взял бы её в жёны, лелеял, уважал,
Супругом верным был, но я ведь – не русал:
В морской воде солёной мне не прожить и дня...
Прости же, Благодать! Зачем спасла меня...

Забыл он о похмелье, русалочку обнял,
Сел рядом, ещё крепче к своей груди прижал.

– Отдал бы без остатка я жизнь тебе одной.
Ты б согласилась, Благо, моею стать женой?

Слова эти спонтанно из мыслей прорвались.
Он замолчал, поняв: свою решает жизнь.

Духхватило деве, всем телом задрожала,
Но что ему ответить, она, конечно, знала.

– Лишь для того родилась, – призналась Благодать, —
Чтобы любить тебя, быть рядом, помогать.

К лицу его прижалась, щека Ролана – шёлк.

– Как взять тебя на сушу, морской ты мой цветок? —
Вздыхнул мужчина грустно, ей косы теребя. —
Мне ненавистен берег, ведь нет на нём тебя...
Пусть длятся бесконечно часы чудесной встречи!

Русалка смотрит нежно, поглаживает плечи:
– В подводном мире душно, ты – воздуха глоток...
Простилась бы я с морем, но где взять пару ног? —
И слёзы с новой силой у девушки бегут.

– Не думай о разлуке хоть несколько минут!
Будь счастлива сейчас! – Ролан взывает страстно. —
Русалочка моя, ты знаешь, как прекрасна?

...Дрожат Финвала руки, лаская Благодать:
Бойтся слишком сильно её в объятьях сжать.
В порыве страсти жаркой лобзает¹⁸ шею, грудь,
Но с плеч спустить тунику не смеет хоть чуть-чуть.
Огнём горело сердце, лишь об одном просило:
Остаться навсегда с морской девой милой...

– Ролан... – она шептала, он – щёки целовал
Солёные от слёз. – ...Ах, если бы ты знал,
Как дорог мне, любимый! Мне тягостно на дне:
Во сне и наяву скучаю по тебе.
Мне море стало чуждым. ...Великий Океан! —
К воде она воззвала. – Вот мой жених – Ролан.
Других я отвергаю. Пускай он – человек,
Сроднились наши души отныне и навек.
Хотя в стихиях разных родились и росли,
Ты сам нас познакомил – быть вместе помоги!

Глядят они на море – вокруг лишь темнота,
Огни на китобойце. Озвучена мечта.
Запомнят её воды, но смогут ли помочь?
Не ведает сын суши, не знает моря дочь.

В горячем поцелуе слились уста двоих:
Она и он отныне – невеста и жених.

Скрепило клятву море, качнув волной вельбот.
Русалочка упала мужчине на живот,

¹⁸ Лобзать – то же, что целовать.

Фонарь свалился за борт и огонёк потух.
От шалости природы им захватило дух...

Минуту неподвижен Ролан от счастья был,
А дальше понял, бедный, что голову разбил:
Ударился о банку¹⁹ – сиденье для гребца.

От страсти и испуга торопятся сердца.

– Ты цел, мой драгоценный? – спросила Благодать.
Без фонаря и лиц во тьме не разобрать.

Мужчина не ответил, обнял, поцеловал.
Хотя затылок голый от боли весь трещал,
Страдание сильнее, когда болит душа,
А это он потерпит, быстрее чуть дыша.

Они поднялись, сели. Неловко им чуть-чуть.
Утерян безвозвратно фонарь. Обратный путь
Ролана тёмным будет, но это – не беда,
Остался бы он в шлюпке с любимой навсегда.

Темно и лиц не видно, хоть вышла бы луна.

Спросил Финвал:

– Не страшно тебе, моя звезда?

– Нам нечего бояться, – сказала Благодать. —
Спокойно ныне море. Ты, верно, хочешь спать?

– Нет, – капитан ответил. – Хочу поговорить.
Мне страшно хоть минуту с тобою упустить.

– Ну что ж, давай. О чём же спросить меня хотел?

– О жизни под водой, где твой родной удел.

– Там сумрачно, тоскливо и солнышко бледно.
Сквозь толщу вод в день ясный оно еле видно.
Нет ветра, лишь теченья, рыбёшек хоровод.
И снег не выпадает – лишь сыро круглый год.
...Ах, если б можно было мне заново родиться,
На суше я с тобою хотела б поселиться, —
Русалочка призналась, склонясь к его плечу. —
Всего на свете больше я этого хочу.
...И были б у меня две стройненькие ножки,

¹⁹ Банка (шлюпочная) – поперечная перекладина, доска, служащая для сидения гребцов и пассажиров, а одновременно и поперечной связью для скрепления бортов.

Могла бы я и плавать, и бегать по дорожке.
Сапожки бы носила... Нет, лучше босиком,
По травке, по зелёной...

– Я так в тебя влюблён! —
Не утерпел Ролан, к себе её прижал:
– Была б моей женою – я б всю расцеловал!

Русалка улыбнулась, за плечи обняла,
Погладила затылок.

– Ролан! Ведь кровь пошла!

– Не страшно. Чуть ушибся, – ответил капитан. —
Уж зажило, не бойся. ... Так значит, тёмно там?

– Нет. Пасмурно скорее, как здесь при облаках.

Уютно и приятно у девушки в руках.

– ...А ночью зажигаем особые огни.
Их свет голубоватый, вам не видны они.

Певуче, мягко голос звучит в тиши ночной,
И тяжелеют веки, приносит сон покой.

– ...Наверх всплываем редко, боимся кораблей.
И страшные рассказы читаем про людей,
Чтоб детям не хотелось увидеть берега:
Жить в море век за веком русалок всех судьба...

Ролан её не слышит: сомкнулись его очи,
Уходит он в мир снов до окончания ночи
И голову роняет русалочке на грудь.
Та в маковку целует, боясь сама заснуть.
И думает: «Мой милый, так хорошо с тобой:
Твоё дыханье слышать и сердца мерный бой».
Ладонью нежно гладит по бритой голове...

Влюблённые уснули, чтоб встретиться во сне.

Старпом, хитрец ты старый, твой план перевернулся!
Как можешь ты сейчас спокойно мирно спать?
Погас фонарь вдали, и шлюпка не вернулась.
Обручены волнами Ролан и Благодать.

Глава 8. Шпионы

Не спится Ярославу, хотя спустилась ночь:
Он видел, как к Ролану стремится его дочь.
Русалку не пугал гарпун в его руках,
Она за моряков испытывала страх!
Тогда её он обнял: боялся – уплывёт,
Опасность презирая, спасти с людьми вельбот.
Всем телом трепетала, не зная, чем помочь.
Выходит, в китобоя влюбилась его дочь?
Его дороже жизнь убитого кита!
Неужто так сладки Ролановы уста?

Хоть он и сам проникся отвагой моряков,
С людьми иметь дела отец был не готов.

Русалкам всем с рожденья одно лишь внушено:
Запретна, чужда суша, их дом – морское дно.
Ведь люди, что ногами гуляют по земле,
Воинственны, порочны, готовят смерть себе.
Контакты с верхним миром подобны шагу в грязь,
Которую не смоешь, обратно возвратясь.
Рождённый человеком – источник зла и бед.
Их презирают в море десятки тысяч лет...

Все помня постулаты, сбит с толку Ярослав:
Зачем спас китобоев, всегда людей ругав?

Признаться, любопытство давненько к ним влекло.
Пытливый его ум сравнить добро и зло,
Что в мире пребывает подсолнечном, чужом,
Не раз русала звал. И он, смотря из волн,
Уже который год считает корабли
И наблюдает жизнь людей сухой земли.

Безрадостна картина: сраженья, грабежи,
Сетями рыбы лов, убитые киты...
Вот и спасённый дочкой мужчина молодой —
Опять же, душегубец, гарпунщик-китобой!
Хотя небезнадёжен. Сегодня удивил
Он сильно Ярослава: прощенья попросил!
Подбив в прошедший день огромного кита,
Раскаялся Ролан – знать, ожила душа.
Слова из уст его вдруг понял Ярослав,
Не уловив ушами, но мысли прочитав!
Возможно, моряка услышал даже кит:
Язык для всех един, коль сердце говорит.

Но что же делать с дочкой? Не век держать с собой!
Её корабль манит, гарпунщик удалой.
Хоть с ним едва знакома, готова целовать —
Тут есть над чем затылок в раздумье почесать...

Усталый Ярослав, от мыслей спасу нет,
И не с кем обсудить. Потушен в доме свет.
Спит рядышком супруга, не хочется будить.
Быть может, с Благодатью ему поговорить?
Влюблённым плохо спится. К ней в дверь отец стучит.

Никто не отвечает.

– Эй, доченька!

Молчит.

Он в комнату всплывает: покой и тишина.

– Ты спишь, моя родная?

Зажёг ночник. Беда!
Дочурки нету в спальне: уплыла Благодать!
Но ничего, он знает, где следует искать.
Конечно, возле барка она опять сейчас.

Жена глаза открыла:

– Скажи, который час?

– Пора бы видеть сны, – ответил ей отец. —
Да только завелся у нас ночной пловец...

– Где Благодать?

– Далёко. Поди, у корабля.
Ты спи, а я за нею.

– Стой! Подожди меня.

Расправила тунику, плывёт Надежда вслед,
Сплетая пряди в косу.

– Берёшь с собою свет?

– ...Похоже, мы у цели. Вон, корабля огни.

– Ещё один отдельно!

– Ага! Это они!
Уединились в лодке.

– Что-о? В лодке Благодать?!
Неслыханно! Безумно!

– Прошу, потише, Надь.
Два силуэта, видишь? Сейчас темно совсем,
И к ним подплыть поближе мы сможем без проблем.

– Давай. ...О, невозможно! И правда, наша дочка
С земным мужчиной в лодке, хоть знает два денёчка...

– Не надо вслух, Надежда, услышат нас они!
Лишь мысленно общайся.

– Забылась я, прости.

Плывут супруги ближе, влюблённых рассмотреть,
И вдруг застыли в шоке: ни плыть, ни умереть!

– Ты говорил, кудрявый и с бородою он...
А это кто же в лодке? Он тоже в дочь влюблён? —
Надежда удивилась, глаз с пары не сводя. —
Целует его в щёку... Ах, матушка моя!

– Уже другой мужчина... – пробормотал отец,
Взяв за руку супругу. – Схожу с ума вконец...

Родители застыли: вот дочка учудила!
Как быстро про Ролана она вдруг позабыла!
От ужаса не могут ни ахнуть, ни вздохнуть —
Кто б знал, что завершится такую драмой путь!

– Он – лысый, безбородый! Ты только погляди!

– ...Ответь мне, Океан! – услышали они.

Встал на ноги мужчина и с морем говорит,
В любви клянётся верной...

– Ролан, но он... побрит?

Сел, дочь их обнимает усатый китобой.
Растеряны русалки: так он или другой?
Целует деву страстно...

– Что вытворяет он!
Спасаем дочь! Поплыли!

– Нет, Надя. Подождём.

И Ярослав Надежду за талию обнял,
Прижал к себе покрепче, к вельботу не пускал.

– Чего?! – взмолилась мама. – Он съест её готов!
Что дальше будет в лодке понятно и без слов!
Сознание теряю...

– Спокойно, дорогая.

– Ты слышишь его мысли?

– От страсти он сгорает.

– Представь себе, заметно! Должны мы ей помочь!

– Он грань не переступит...

– Очнись! С ним твоя дочь!

– Надежда, успокойся. Услышишь их сама.

Заговорила Благо, Роланом назвала.
Родители вздохнули: хоть тот же человек!
Волна качнула лодку, и свет огня померк.

Надежда испугалась, за мужа ухватилась:
– Мне кажется, акула там проплыла и скрылась...

Но Ярослав промолвил:

– Скорее, это кит
Поддел спиною лодку.

– Зачем?

– Фонарь им сбит.
Похоже, воля моря во тьму их погрузить:
Для нас с тобой наука – нельзя тайком следить!

– Давно зову открыться, но ты чего-то ждёшь!
Мужская солидарность? Ну и отец! Хорош!

Обиделась Надежда, ей мужа не понять:
Они ведь плыли к барку, чтоб дочь домой забрать.

– Теперь нам их не видно! – тревожилась жена. —
Что в лодке происходит?

– В ней Благо не одна...

– Вот это и пугает!

– Поближе подплыви.
Они нас не увидят. Но только не шуми.

Разжал отец тут руки, супругу отпустил.
К вельботу осторожно за нею вслед поплыл.

Чуть вынырнули робко: ни звука, тишина.
Ждут долго – всё как прежде. Взялись тут за борта,
Фонарик свой зажгли – голубоватый свет
Открыл для них картину, милей которой нет:
Прижавшись к краю борта, русалочка спала,
А на её «колених» лежала голова
Мужчины молодого в глубоком крепком сне,
Свернувшегося рядом меж банками на дне.
Ладошка юной девы на темени застыла:
Она его ласкала, когда в мир снов уплыла.

Надежда улыбнулась: так сладко оба спали!
Тепло в груди разлилось, тревоги прочь умчали.

Спокойно, безмятежно русалочки лицо.
Домой забрать бы нужно, но разбудить – грешно.

Обнял супругу нежно за плечи Ярослав:
– Смотри, они невинны. Я оказался прав.
Отрадная картина. ...Ты помнишь, Надя, нас
Во дни свиданий первых? Не отрывая глаз
Глядели друг на друга, не смея прочь уплыть...
Теперь и нашей дочке пришёл черёд любить.

– Так он и есть – Ролан?

– Да, только без волос.
Днём был ещё с кудрями, знать, в жертву их принёс.

– Кому? Зачем?

– Не знаю. Киту или любви.
В них дней прошедших память, но срезаны они.
Выходит, жизнь меняет отныне китобой.
...Эх, Благодать, недаром он встретился с тобой.
Его ты изменила, спасла не только тело...

Надежда удивлённо на мужа поглядела:
Её ли Ярослав такое произнёс?

– Не узнаю тебя, коль говоришь всерьёз.

Нахмурился тот разом:

– Он из другого мира.

Дальнейшие свиданья двоих недопустимы.

В его судьбе сыграла свою дочурка роль.

Пусть отдыхает дальше, а ей – пора домой.

Опять глядят на спящих. Их жалко разлучать.

И как сместить мужчину, чтоб вынуть Благодать?

Русалочий фонарик, волшебный огонёк,

Над лодкою парил, как будто светлячок,

Бросал на лица спящих голубоватый блик.

Ролан при этом свете был молод и красив.

Заметила Надежда:

– Нестрашный человек.

А ты пришельцев с суши за монстров держишь всех.

К чему кривить душой? С людьми русалки схожи.

Не чудище Ролан, наоборот, пригожий...

Вздыхнул супруг печально:

– Оберегал я дочь.

Ругал, пугал нарочно. Должно было помочь...

Надежда улыбнулась:

– Отлично помогло!

Мужчину осторожно переложил на дно.

– Я в лодку не полезу, – ответил робко муж. —

Давай разбудим дочку? Тихонько сон нарушь.

Согрет мужчина спящий теплом её ладошки —

Пускай сама подвинет она его немножко.

Надежда к Благодати поближе подплыла,

Погладила по косам. Как девочка мила

Во сне морская дева, прекрасная русалка,

Момент счастливых грёз её разрушить жалко.

Пусть хочется иного, ведёт к разлуке жизнь...

Взяла за плечи мама:

– Родимая, проснись!

Глаза открыла дева, родителей узнала.

– Пора, – они шепнули. – Ты в лодке задремала.
Мы за тобой явились. К нам в воду поспеши!

Похолодела грудь – настал час от души
Ролана оторвать. Возможно ли такое?
В трепещущее сердце змеёй вползало горе.
Взгляд опустила Благо: спал под её рукой
Возлюбленный бесценный...

– Нам плыть пора домой, – шепнула дочке мама. —
Гляди, не разбуди. Он ласков был с тобой,
Но разные пути у рыбки и у птички —
Им вместе не порхать...

За голову Ролана обняла Благодать,
Подвинулась в сторонку, на доску уложила.
Слезами жжёт глаза: расстаться нужно с милым.
Красавец чернобровый, что время их прошло,
Не знает, крепко спит, а ей – пора на дно...

Поцеловать хотела, но так и не решилась.
За борт скользнула дева, в глубины погрузилась.

Поймал отец фонарик, чуть дунул – тот погас.
И Ярослав Ролану шепнул:
– Прости ты нас.

Ушли русалки в воду. Несётся Благодать,
Куда – сама не знает, в потёмках не видать.
Что ж, даже лучше горе своё излить в тени.
Но город рядом, вскоре забрезжили огни.
Русалочка свернула, ей мир морской не мил,
Он свёл её с любимым и он же разлучил.

Родители отстали, им дочку не догнать.

Надежда вдруг вздохнула:
– Он мог бы зятем стать...

– Да что ты, дорогая! Любовь для них – игра.
Дня два друг друга знают!

– А вдруг – это судьба?

– Влюблённость мимолётна, – промолвил Ярослав,
Усиьем волевым сомненья отогнав. —

Он не похож на здешних, внимание привлёк
Иссиня-чёрной гривой.

– Что сбрил через денёк?

– И что?

– Не в кудрях дело.

– Ой, лучше помолчи! —
Взмолился Ярослав. – Ведь разные они!

Не по себе от мысли, что родственные души
Родились: одна – в море, другая же – на суше.
Бывает ли такое? Откуда ему знать...
Но из-за человека страдает Благодать.

От размышлений тяжких кипят отца мозги.

– Поговори с ней, Надя. Советом помоги.

– Нет, милый, слов не надо. Ей нужно только время,
Что принесёт забвеньё, смягчит разлуки бремя.

До самого рассвета блуждала Благодать,
Смирение искала. Но где же его взять?
Всё так же сердце стонет, хоть выбилась из сил.

Домой вернулась.

– Как ты? – отец её спросил.

– Мы даже не простились...

– Так только лучше, верь.
Меж двух миров, как прежде, пора захлопнуть дверь.

Глава 9. Один

Ролан проснулся утром – прохладно в брызгах волн.
Шумело, пело море. Один был в лодке он.
Его морская дева исчезла без следа.
Куда ни бросишь взгляд – кругом одна вода.
Совсем не видно судна, куда-то барк пропал.
С тревогой неподдельной глядит вокруг Финвал.

Как здесь он очутился, спросонья не понять.
Кто только надоумил в вельботе ночевать?

Устала жутко шея и голова болит.
Он почесал за ухом и понял, что побрит.
Погладил подбородок – он колется слегка.
День прошлый вспоминает Ролан издалика.

Вчера кита убил он, грустил, переживал,
Сбрил волосы... А дальше? Задумался Финвал.
... Старпом позвал на ужин! Он не хотел идти.
Напился с горя крепко – от мысли лишь мутит...
Ага! Нагнувшись за борт, узрел он Благодать.
Вмиг память прояснилась! Так сладко целовать
Любимую, невесту – счастливейшая ночь!
Жаль, что пока он спал, она уплыла прочь.
Теперь покинут всеми влюблённый в океане,
И лишь платок старпома лежит в его кармане...

С трудом огромным верит Ролан, что он забыт.
Куда исчез корабль? Не проглотил же кит?
Он чётко видел ночью сигнальные огни,
Но утром вместе с судном растаяли они...
Что приключилось с барком?

Он выглянул за борт:
Течение не заметишь. Не мог его вельбот
Так быстро унести в неведомые дали!
Быть может, китобои оставили, предали?
У них потёмки души: азартные, лихие —
Увидели кита и обо всём забыли.
Включая капитана...

Кто знает, что он здесь?
Старпом, в недобрый час позвавший его есть.
Что капитан уплыл, помощник знал отлично:
Он помогал вельбот спускать на воду лично.
Прозвав Финвалом юнгу, он стал ему отцом —

Нет, кто б его не бросил, так это друг старпом!

Старик свалился с бочки, где крепко задремал,
И, локоть потирая, пробормотал:
– ...Финвал!

Поднялся, смотрит за борт: нет света фонаря.

– Ролан... Пропал... О Боже! Угробил я тебя!

И, взглядываясь в темень, бежит он вдоль борта.

Была беззвёздной ночь, вокруг лишь чернота.
У борта нету лодки, вдали – не рассмотреть.
Нетрезвого беднягу он снарядил на смерть.
Ролан, мужчина взрослый, вчера был как дитя,
Вельбот, будто игрушку, у моряка прося.
Зачем он капитана к русалке отпустил?
Простить себе вину у старика нет сил.

Он долго, сокрушаясь, бродил по кораблю
И проклинал беспечность вчерашнюю свою.

«Дождаться нужно утра, – мысль здравая пришла. —
Фонарь погаснуть мог! Тогда совесть чиста».

Полдня Финвал прождал, совсем не пил, не ел,
Надеялся на чудо, на горизонт смотрел.
Боялся плыть куда-то, не брался за весло,
Придёт корабль – верил, но что-то не везло.

Глаза совсем устали, но так и нету барка...
Пропали облака, и солнышко жжёт жарко
Макушку капитана. Он повязал платок.

Ролан не падал духом, принять беду не мог.
Он верил всей душой – ошибка это, сон:
За ним вернутся скоро, или проснётся он.

...Ах, если б только знала русалка Благодать!
Ни ей, ни кораблю сигнала не подать.
Куда пропала дева? Вернётся ли она?
А если да – найдёт ли? Прозрачная волна
Вельбот, как колыбель, не первый час качает,
Несёт ли, нет куда – Ролан не понимает:
Нет в море ориентира, взгляд нечем зацепить.
Он может незаметно за много миль уплыть.

Русалок мир подводный, наверное, был рядом.
Нырнул Ролан под воду, но не достанешь взглядом
До дна. Его не видно. Скрыт город глубоко!
Лишь рыбам да русалкам туда попасть легко.
Морской народ не любит людей с далёкой суши,
Но Благодать с отцом, традицию нарушив,
Троих спасли вчера. Приплыли бы сейчас...
Но, как назло, один он в драматичный час.

Пришлось вернуться в лодку, нет под водой друзей.

Хотя он освежился, мужчине лишь грустней.
Солёная водица стекает по усам.
В руках затылок сжал в отчаянии Ролан.
Сидит на дне вельбота, под ноги вперил взгляд.
Он понял, что не спит... Вернуть бы ночь назад!
Просил у океана как жить Финвал совет —
И вот, один остался... Безрадостный ответ.
«Знать, море не прощает, что сделал я китам.
На растерзанье отдан я солнцу и волнам, —
Мужчина думал с болью. – Что ж сразу не убило?
Уж с третьего-то раза, пожалуй, утопило...»

Он поднял взгляд от днища – лишь небо и вода.
На прочность дух и тело тестирует судьба.

Вдохнул Ролан поглубже:
– Будь сильным, коль живой!
Остаться на плаву используй шанс любой.

Стараясь не пугаться, он осмотрел вельбот.
Вода есть и припасы – он сразу не умрёт.
Вот компас – нету карты, секстанта²⁰ тоже нет.
Где ближний берег суши? Никто не даст ответ...

Тюрьмою в океане Финвалу стал вельбот.
Где судно? Где команда? Куда сейчас плывёт?
Неужто капитаном таким плохим он был?
Едва корабль покинул, как экипаж уплыл...
Один лишь раз он выпил – и в море за бортом.
Спасибо, что в вельботе, и, к счастью, не в пустом.
На шестерых рассчитан запас воды и пищи,
Но он совсем один. Быть может, кто отыщет
Его за дни скитаний, пока ещё он жив?

²⁰ Секстант – оптический прибор для определения широты (углового расстояния на север или юг от экватора). Состоит из рамы с изогнутой проградуированной шкалой, двигающейся стрелки с обычным зеркалом на оси, полупосеребрянного стекла и телескопа.

Припасов дней на пять – на месяц хватит их.

Есть тридцать дней и лодка, чтоб жизнь свою спасти.
Реально ли в вельботе весь океан пройти,
И в край родной вернуться, когда и карты нет?
Покуда бьётся сердце – он выяснит ответ!

...Клонилося солнце ниже. Чтоб время не терять,
Решил в корабль лодку мужчина превращать.

Коль жизнь свою связал с охотой на китов,
Будь в море ко всему, что может быть, готов.
А потому в вельботе есть мачта, паруса,
Но съёмные они: поставить должен сам.

...Замучился Ролан, а волнам всё игра —
Качают шлюпку сильно. Придётся до утра
Затею отложить: спокойней будет море —
Так опыт подсказал бедняги китобоя.

Надеется Финвал, вдруг Благо приплывёт?

...День. Вечер. Ночь спустилась. Весь мир его – вельбот.
Меж банками улётся Ролан на жёстком дне,
Под головою – парус. «Он пригодится мне», —
Подумал, засыпая, несчастный капитан.

Где китобойный барк в то время пропадал?

Старпом разбужен грубо: за плечи растрясли.

Открыл глаза:
– В чём дело?

– С вопросами пришли.

Глядит – шесть китобоев и великан матрос.
Не по себе немного.

– Зачем вас Бог принёс?

– Вельбот пропал, во-первых. Осталось только три:
Шесть было, два разбиты. Где третий, знаешь ты?

Серьёзно, с подозреньем глядят на старика.
Спросонья тот растерян.

– Здесь море, не река:
До берега доплыть – недели маловато!
Куда уплыл вельбот, все знать хотят ребята, —
Сказал мужчина старший, сурово брови хмуря,
И выступил вперёд с угрозою в фигуре.

Помощник наглецов совсем не испугался.
Тревоги ночи вспомнил и на ноги поднялся.
О капитане мысли ум нервно будоражат.

Глазасты моряки, заметили пропажу!

– Нигде не видно шлюпки. Чист горизонт вокруг.
Кто ночью непроглядной покинул судно вдруг?

Старпом похолодел:
– Не видно? Что, нигде?

– Всё с марса²¹ осмотрели. Тот, кто уплыл – в беде! —
Ответил китобой, буравя его взглядом. —
Будь с нами откровенен, иначе – не досадуй! —
Он сжал ладонь в кулак. – Шутить я не привык.
Скажи, кто борт покинул или молись, старик!

Мужчина помоложе смутился от напора,
С каким его собрат припёр к стене старпома:
– Вельбот спускал ты с кем-то, нам вахтенный сказал...

– Короче, отвечай, где капитан Финвал? —
Спросил моряк матёрый, шаг делая вперёд. —
Лишь он из экипажа пропал. И с ним вельбот!

Старик глядит тревожно на лица моряков,
Но правду – не расскажешь, а врать он не готов.
Семь мужиков сегодня пришли его будить,
Насели – не прогонишь, уже готовы бить!
«Попал я в переделку, – мелькнуло в голове. —
Ролан не возвратился... О горе, горе мне!»

Старпом собрал все силы, вверх голову поднял:
– Что за допрос, нахалы? Вам надобен Финвал?!
Забыли, я над вами – закон и командир!
Займитесь-ка делами!

Никто не уходил.
Лишь ближе обступили.

²¹ Марс – площадка на вершине мачты.

– Дела не убегут!
Корабль – общий дом, что происходит тут
Желает знать команда!

– Был странным капитан.
Побрисся – это ладно, но ведь теперь – пропал! —
Моряк вмещался младший. Матрос кивнул сурово.

– Тобой его побег ночной организован?

Беднягу Кашалота схватили моряки.

– Куда его ты сплавил?! От суши далеки,
Но не видать вельбота! Утерян в море он?

– Ты, что же, капитана отдал на волю волн?!

– Вчера Финвал напился, пожалуй, в первый раз.
Воспользовался этим?

– Скажи, что скрыл от нас?
Вы вроде бы дружили, но ты его предал?! —
Рычат мужчины злобно.

– Ответь, где капитан!

Молчит старик, он в шоке, с собой не совладать:
«Неужто утопила Ролана Благодать?!»
Но некогда подумать, трясут за воротник
Мужчины-китобои: Финвал – соратник их.

– Где наш гарпунщик смелый?

– Он жизнь вчера мне спас!

– Он капитан недавно, давно – один из нас!

– Ты пьяного Финвала на смерть благословил?

Затрясся Кашалот:
– Ролан мне сыном был!
Как смеете, безумцы, меня вы обвинять?!
Его мальчишкой помню... Зачем же убивать
Того, кто мной воспитан? – он оттолкнул мужчин. —
Финвалу навредить нет у меня причин!
Сам за него тревожусь...

– Когда вошли – ты дрых

Спокойным сном младенца!

Из-под бровей седых
Помощник посмотрел сурово, беспощадно.
И, руки поднимая, сжимая в кулаки,
Вдруг прошипел:
– Ну ладно... Вы – просто дураки!
Финвала подавай вам? Зачем меня винить?
Не смогут разговоры назад его добыть!

Старпом глазами рыскал, зубами скрежеща.

– Совсем страх потеряли?! Дать каждому леща?
...А ну-ка, воротник пустите капитана!
Я за него сейчас. На поиски Ролана
Мы поспешим немедля. ...С дороги, идиоты!
На палубе и в трюме для вас полно работы!

Мужчины отступили, поняв, что прав старик:
В отсутствие Ролана он всем руководит.
И, чтоб благополучно на берег возвратиться,
Придётся с этим фактом безропотно смириться.
Доказано не раз – прекрасный мореход,
А главное – к команде всегда найдёт подход:
Гурьбу голов горячих мгновенно остудил,
На поиски призвав, почти не тратя сил.

Старпом оправил ворот и застегнул жилет.
Спал ныне он в одежде.

– И всё же, дай ответ,
Куда поплыл Финвал, коль ты не виноват?

– Я не могу сказать. Пришёл бы лишь назад...

Ролан открыл глаза: всё так же в лодке он,
Надеялся – приснилось. Но это жизнь, не сон.

Вчера совсем не ел он, ждал корабля, терпел.
Сейчас – свело желудок, мутит, он побледнел.
Есть хочется, но страшно запасы начинать:
Ведь, ящик открывая, начнёт осознать
Свою он обречённость, считать недели, дни
И ждать момент, когда закончатся они...
Одна лишь мысль об этом Финвала убивает.
Он на компас глядит и карту вспоминает.

Кружится голова. Нет, нужно подкрепиться.

Меню совсем простое: галеты да водица.
Открыт заветный ящик, пошёл назад отсчёт...
Поставить парус нужно, тогда он поплывёт
Туда, где берег ближний и край его родной.
Надежда вся на память. Он дорогой ценой
За встречу с Благодатью заплатит...

Путь далёк.
Он ставит две зарубки, отсчитывая срок:
Уже вторые сутки наедине с волнами.
Небесный свод и солнце – как циферблат с часами...

Окончен скромный завтрак.

– Берись, матрос, за дело, – Ролан даёт команду. —
Пока упруго тело, рангоутом²² займись! И станешь – капитан.
Довольно верховодить над шлюпкою волнам!

Пять с лишним метров мачта. Не так уж тяжела,
Но в вертикаль поставить – задача непроста,
Когда на волнах зыбко вода вельбот качает.
«Один не справлюсь я», – мужчина понимает.
Помощника лишь два сейчас у капитана —
Две сильные руки гарпунщика Ролана.

Финвал высок и крепок, но тяжело ему,
Усталость ломит тело.

– Не подниму – умру, —
Сказал себе мужчина. – Нужны мне паруса!

Почти иссякли силы.

– Хотя бы полчаса
Я должен отдохнуть.

Он бросил мачту вниз.
Сев, тут же задремал.

– Любимый мой, очнись!

Ролан открыл глаза, но рядом никого —
Жестоко подшутила фантазия его.
Глядит с надеждой за борт, но Благодати нет,
Лишь бликами на волнах играет солнца свет.

²² Рангоут – общее название устройств для постановки парусов (их подъёма, растягивания и удержания в штатном/рабочем положении), выполнения грузовых работ, подъёма сигналов и т. д. К рангоуту относятся: мачты, стеньги, реи, гафели, гики, бушприт и прочее.

– Ну, где же ты, родная? – мужчина прошептал. —
Я сразу и тебя, и судно потерял...

Он вновь закрыл глаза, откинулся назад.
Воды прохладной брызги на голову летят.
Качает лодку море и дует ветерок,
Будь парус установлен – кораблик плыть бы мог.

Финвал расправил плечи, встал на ноги опять:
Ждать штиля можно долго, довольно отдыхать.

– Я сил скопил немного, сейчас начну с нуля...
Будь мне покорна, мачта, установлю тебя!

Опять он с ней в обнимку, сжал зубы, градом пот.

– Постой уже на месте! – молит Ролан вельбот.

Уже четыре раза чуть за борт не упал
Он вместе с длинной мачтой. Волнуется Финвал:
Коль в море упустить – обратно не втянуть!
Останутся лишь вёсла, на них труднее путь.

– Давай же, дорогая! – рычит сквозь зубы он.

«Смогу расправить парус – считай, почти спасён!» —
Внушил себе мужчина. Но руки всё слабей.
Чтоб с мачтой совладать – ещё б двоих людей...

Волна в корму толкает – вверх мачта подскочила,
Ролан рванул наверх её что было силы.
Поставил вертикально! Осталось закрепить,
Наладить такелаж²³.

Приятно победить!
Собой Финвал доволен, благодарит волну
И радуется:
– Скоро я парус подниму!

В корабль превращает он маленький вельбот,
С надеждой, оптимизмом сейчас глядит вперёд.

Три дня Ролана ищут, но нету и следа:
Ни шлюпки, ни обломков...

²³ Такелаж – все снасти (т.е. верёвочное вооружение) на судне, служащие для укрепления рангоута и для управления им и парусами.

– Солёная вода
Ему могилой стала, – проговорил старпом. —
Давайте снимем шляпы... Хорошим моряком
Был капитан наш славный по прозвищу Финвал.
Надёжный, справедливый, команду уважал.

– Гарпун метал отменно!

– Да, ловкий китобой...

– Прощай, Ролан Финвал!

– ... Что сделал я с тобой —
Вовеки не прощу! – пробормотал старпом
И, сдерживая слёзы, прочь с палубы пошёл.

...Идёт корабль к суше. Сменил он капитана,
Но долго разговоры звучали про Ролана.
Придумывались байки: с русалкой он уплыл,
На острове клад ищет, пиратом стать решил.

– Давно на берегу он! – шутила матросня. —
Ему не в первый раз до порта за два дня!

Лишь Кашалот невесел: как друга проглядел?
За поиски Ролана причёской побелел.

Минута за минутой улиткою ползёт —
Неделя миновала, а будто целый год...

Ни острова, ни судна ни разу не видал
Учтённый в мертвецах командою Финвал.
Он ловко правит шлюпкой, как будто кораблём,
Но дождь порой бывает, сжигает солнце днём.
Нет крыши у вельбота – открыт он небесам,
То от жары не скрыться, то мёрзнет капитан.
Он благодарен ветру, что паруса вздымает,
Но сам – промокший в брызгах, дрожит, глаз не смыкает.
Свой курс сверяя часто, он смотрит на компас,
Дни отмечает грустно и бережёт запас
Воды и пропитанья – хронометр его:
Пока осталась пища, есть шансы у него
До берега доплыть – он где-то впереди,
Хоть вид вокруг един, куда ни погляди.

Четырнадцать зарубок.

Ролан глядит за борт:
Как будто показался на горизонте порт!
Он видит мачт скопление и на душе легко.
Но час проходит, третий: всё так же далеко
Приятное виденье... День жаркий, голова
Кружится, перегрелась, Финвала подвела.

Ошибку осознав, расстроен капитан:
Зной солнца проклиная, рубашку снял Ролан.
Забросил её в море, лишь за рукав держа.
Сбивается дыханье, сжигает тело жар,
Дрожь сердце охватила – ему не стало легче,
Хоть ветер овевает нагую грудь и плечи.

Промокшую рубашку Ролан извлёк из вод,
На голову набросил, но тёплая течёт
Водича по щекам и по спине усталой:
Три дня жары подряд и сила вся пропала.
Нырнуть бы ему за борт, чтоб тело остудить,
Но хочется лишь лечь... Финвал не сможет плыть.
Виски сдавило болью, почти не утерпеть.
«Пей воду, – шепчет разум, – иначе тебе смерть».
Послушался мужчина. Рубашку мочит вновь,
На днище лёг, накрылся и чувствует, как кровь
Несётся по сосудам, едва ли не кипя...

Лишь ночью возвратился Ролан из забытья.
Разбитый в лодке сел. Полегче голова.
С косою старуха мимо на этот раз прошла.

Минуло три недели. Барк возвратился в порт.
По трапу весь седой шагает Кашалот.
С надеждой хрупкой, ветхой, он смотрит на причал,
Туда, где в прошлый раз Ролан корабль встречал.
Примолкла вся команда, тот случай вспоминая.
Лишь два матроса новых без устали болтают.

На них взглянул сердито матёрый китобой,
По оплеухе звонкой отвесил им рукой.
Они закрыли рты и вспомнили преданье,
Что выжил капитан, попав на поруганье
Волнам средь океана. Но видно, сказка это:
Сегодня на причале его фигуры нету.

Кто в детстве ни мечтал о славе морехода,
О подвигах, сраженьях с волнами, непогодой?

Об этом думал мальчик, наверное, любой,
Но разница большая меж жизнью и игрой.
Казалось в детстве всё безоблачней, светлее...
И всё же неуклонно Ролан в победу верит,
Воспитан терпеливым, решительным рождён.

...Запас воды пополнен под проливным дождём,
Но снова испытанье – нет ветра в парусах.
Он взялся за весло – да мощь не та в руках.
Устал мужчина быстро, обратно положил.

Почти что три недели он сам с собой, один.
Все мысли передумал, друзей припоминал,
Надеялся, мечтал, стена гонимая горевал.
С волнами в бой вступая, спасая свой вельбот,
При деле был Финвал и чувствовал – живёт!
Но штиль – невыносим, сиди, сходи с ума.
...Ах, если б Благодать однажды приплыла!
Он не в глубинах моря, не на сухой земле —
Застрел меж двух миров, но нет её нигде...
Покинула без слов: печально и обидно.
Любовь её остыла в воде холодной, видно.

Всё реже вспоминает Ролан про Благодать:
Совсем погибнет тело, коли душой страдать.
Один в открытом море – расплата за свиданье...
Ступить ногой на берег – теперь одно желанье.

Штиль завершился – счастье! Зарубок – тридцать шесть.
Водой снабжает небо, немного пищи есть.

Навалом в море рыбы – поймать лишь ухитрись!
Ни гарпуна, ни копий, но заставляет жизнь
Решение искать: чем можно вести лов?
Рассказы вспоминает бывалых моряков.

Весло согнуться может, слышал Ролан когда-то,
С гвоздём из борта шлюпки, но жаль, тяжеловата
Для ослабевших рук подобная острога:
Со днями тают силы, осталось их немного.

Финвал пытается счастья. ...Была бы в лодке сеть!
Кто б знал и положил. Всего предусмотреть,
Пожалуй, невозможно и в шлюпку уместить:
Вельбот ведь для охоты – он лёгким должен быть.
Спасибо, есть хоть что-то, будь лодочка пустой —
Погиб бы за три дня несчастный китобой.

– ...Эй, кок, чего на ужин?

– Сегодня винегрет.

Полсухаря на завтрак, на ужин и обед —
Вторая половина... Худой он – не узнать.
Закончатся припасы – придётся умирать...

Ночами лёжа в шлюпке, глядит на Млечный Путь
Ролан, считая звёзды, боясь навек уснуть.

«...Я здесь из-за русалки! – подумал как-то он. —
Всё было бы иначе, не будь в неё влюблён!
Я был бы капитаном, а не сходил с ума.
Быть может, и женился... Её во всём вина!»
«Не ври, – шепнула совесть. – Ты ею был спасён!
Притом не раз. Ты помнишь?» Пока что помнил он.

В любви с морской девой не светит перспектив.
Вернуться бы на берег, свой ум не повредив.

Он – капитан вельбота и сам себе матрос,
Помощник, кок и юнга.

– На, скушай абрикос!

Грызая сухарь последний, дрожит Ролан от смеха.
Идёт к финалу жизнь, а у него – потеха:
– ...Ставь паруса по ветру!

– Готово, капитан!

– ...Я рассчитаю курс, старпом, ты – за штурвал!

– ...Право руля!

– Там рифы!

– ...Куда пропал маяк?

– ...Кто карту мою свистнул? Мне без неё никак...

– ...Компас, скажи, не врёт ли? Здесь где-то был секстант...

– ...На марсе! Видно берег?

– Да нет, далековат...

...Иссушенное тело, одежда велика,
Болит от жажды горло, и больше сорока
Зарубок на борту... То ветром парус рвёт,
То неподвижным гробом часы стоит вельбот.

Палач Финвала – солнце. Иссяк запас водицы,
Что дождь ему послал. Так хочется напиться...

Вокруг на много миль просторы океана,
Вода, но пить нельзя. До сей поры Ролана
Об этом помнил разум, теперь... момент пришёл:
Перегибаясь за борт, он зачерпнул из волн.
Пусть станет только хуже, он хочет отхлебнуть.

Когда же будет берег? Так бесконечен путь...

Ошибся он в расчётах или компас приврал,
Финвал уже не думал, надежду потерял.

...Сгушались в небе тучи и надвигался шторм.
Ролан сидел в вельботе в кристальных брызгах волн.
Погоды не пугаясь, на море он смотрел,
Чуть губы разомкнув, почти неслышно пел:

– Влюбился я в русалку, и горестно, и рад.
Любовь – мой тяжкий жребий, испытый сладкий яд...
Ты жизнь не раз спасала, мой ангелок морской,
Но наш удел – разлука, мы разные с тобой.
Люблю тебя беспечно, хотя и не русал.
Исчезла ты внезапно, лишь замуж я позвал...
Я в море погибаю, как мученик любви.
Прошу, моя родная, хоть раз свой лик яви...

Глава 10. Прозрение

Минуло больше года. Бушует океан,
Но в глубине – спокойно, и молодой русал
Плывёт к девице в гости. Живёт здесь Благодать.
Для дочки жениха решил отец позвать.
Она не обращает вниманья на парней
И не желает слышать и слова про людей.
Почти забыла солнце, на воздух не всплывает.
С улыбкой равнодушной своих друзей встречает.
Родители полгода ей ищут жениха,
Но это бесполезно. Чего таить греха?
Русалка помнит ночь, когда приплыл Ролан,
Такой, что не узнать, и замуж вдруг позвал.
Ведь поклялись, безумцы, стать мужем и женой,
Хотя и невозможно в стихии жить одной!
Она отдала сердце навеки человеку,
У женихов подводных быть с нею шансов нету.

С той сладкой тёмной ночи русалочка Ролана
Не видела ни разу, судьбы его не знала.

...Ещё один приплыл вздыхать, стихи читать...
Русала молодого жалеет Благодать:
Родители позвали, надежду подарив.
Она его приветит, но только ради них.

Дверь гостю открывая, русалка обомлела:
Черны мужчины кудри, широкоплече тело.
Усы чернее ночи, красива борода,
Но радость не приходит, расстроена она.

Минуту неподвижно глядит в глаза русала.

– Какая злая шутка, – в итоге прошептала.

Закрыла дверь пред ним, сказав:

– Зачем? Прощай.

Когда отмоешь краску, тогда и приплывай.

К родителям вернулась:

– Что это за русал?

Хоть волосы завил, он вовсе не Ролан!

Понравиться желая, он к хитрости прибег.

Зачем ему открыли, каким был человек?

– Хотели мы как лучше, – сказала робко мать. —
Надеялись, вдруг сможет тоску твою унять.

– Не по кудрям скучаю, – промолвила девица. —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.